

ЖИЗНЬ

№ 18. Выходит ежедн. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУПИНА, А. И. КУПРИНА И М. МЕТЕРЛИКА, 12 кп. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 № № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

2 мая 1915 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержание. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Тевтонямъ. Стихотвореніе Павла Орѣшника. — Графъ С. С. Татищевъ. — Сь подарками на боевыхъ позиціяхъ (съ 5 рис. и 2 портр.). — Сторожка въ лѣсу. Разсказъ В. Муйжеля. — Поручикъ Лессингъ. Разсказъ Дарина. — Объявленія. — Отклики войны.
ИСУИКИ: Крейсеръ „Аскольдъ“, принимающій участіе въ бомбардировкѣ Дарданеллъ. — Начальникъ англійскихъ морскихъ силъ, бомбардирующій Дарданеллы, адмиралъ Саквилль Гамильтонъ Карденъ. — Бомбардировка Дарданеллъ. Залпъ съ англійскаго крейсера. — Адмиралъ Джонъ Робекъ. — Командующій французскими силами въ Дарданеллахъ генералъ д'Амадь. — Союзный воздушный флотъ въ Дарданеллахъ. — Карта Дарданеллъ. — Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати графъ Сергѣевичъ Татищевъ. — Оркестръ въ штабѣ полка. — На улицахъ города Станиславова (2 рис.). — Казачья жизнь на боевыхъ поляхъ (2 рис.). — Въ Карнатахъ. — Полковой священникъ на позиціяхъ (2 рис.). — Раненые въ костелѣ въ Балешанѣ (2 рис.). — Цепи на баррикадахъ. — Солдаты получаютъ патроны. — Разрушенный покатъ въ Кильбахъ. — Рентгеновская станція на автомобильѣ (2 рис.). — Юрты, подаренныя войсковою областью нашей арміи. — Раздача писемъ и газетъ на передовыхъ позиціяхъ. — Полевой контролеръ принимаетъ шины для автомобилей. — Допросъ мѣстнаго жителя (2 рис.).

К этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложения“ за май 1915 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за май 1915 г. съ 58 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 11 рис. мотивовъ для выжиганія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

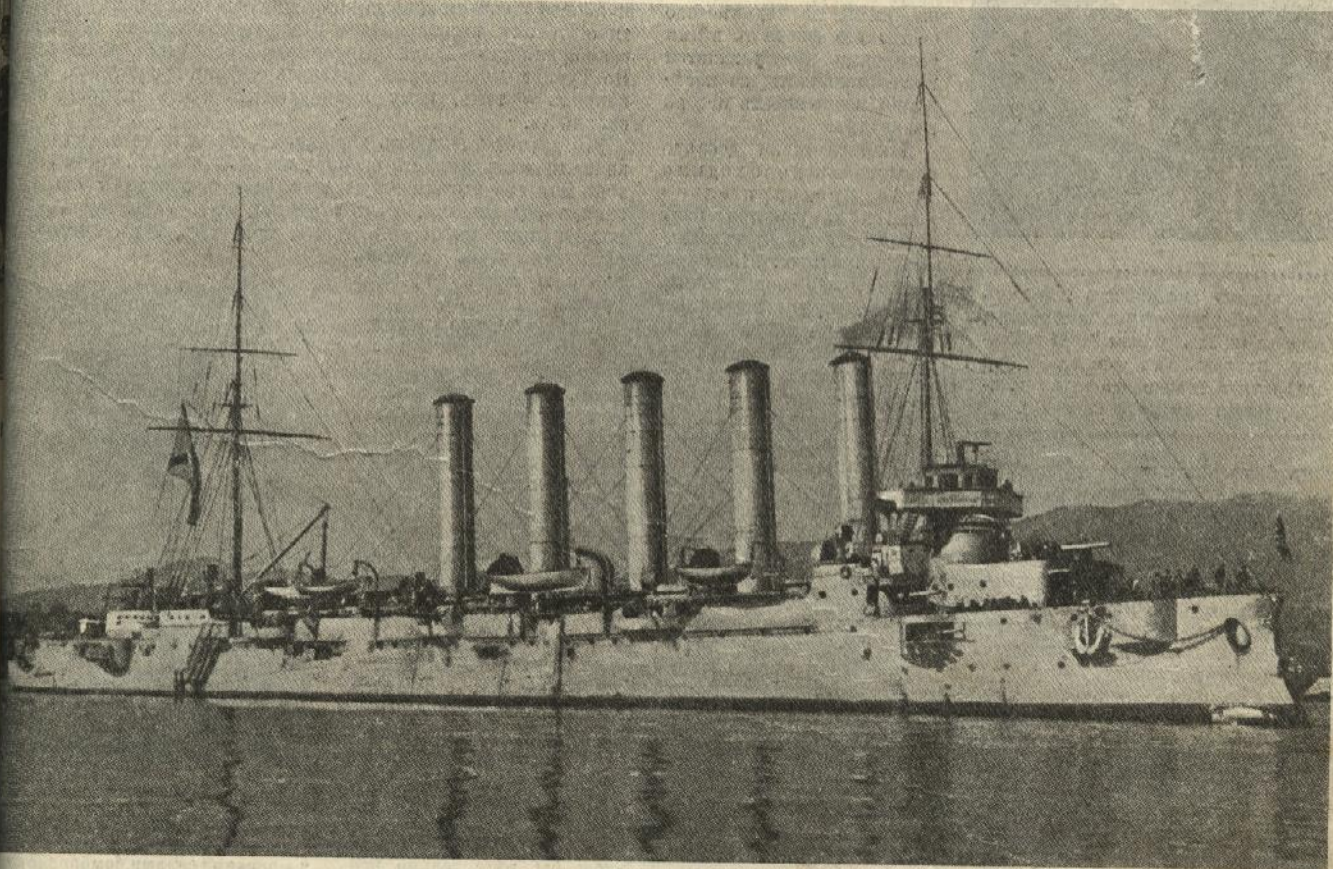
К. Шумскаго.

Десантъ у Дарданеллъ.

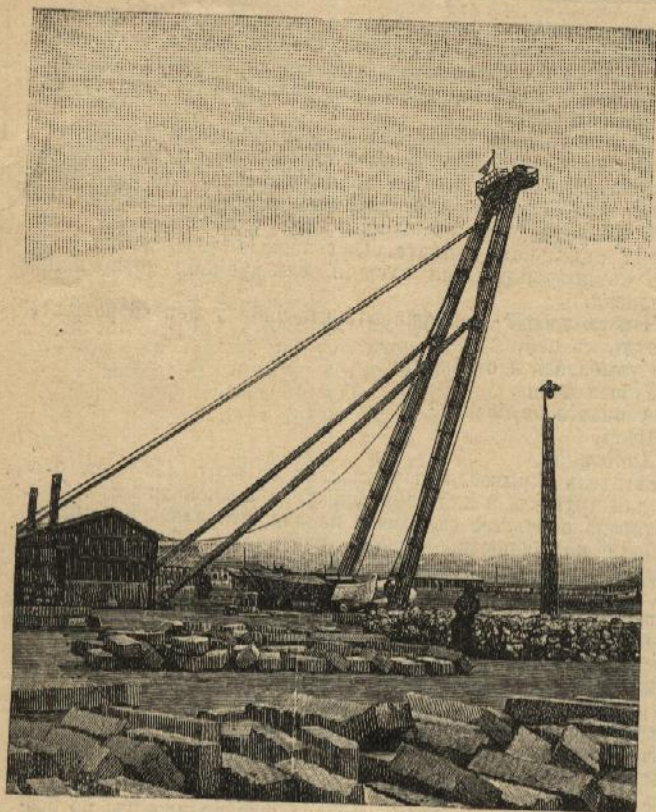
Въ концѣ марта стали появляться въ печати извѣстія о намѣреніи десантъ союзниковъ на Дарданелльское побережье. Многочисленныхъ газетныхъ извѣстій по этому поводу сошлись самыя различныя цифры этого десанта — по однимъ извѣстіямъ, два корпуса, т. е. 80 тысячъ, по другимъ свѣдѣніямъ, 100 тысячъ, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, даже и 200 тысячъ. Особенно частыми стали извѣстія о десантѣ послѣ случайной встречи союзниками четырехъ старыхъ броненосцевъ при бомбардировкѣ батарей средней зоны — самой узкой части пролива. Во-

обще всегда было извѣстно, что для окончательнаго овладѣнія прибрежнымъ пунктомъ необходимо появленіе въ послѣдній моментъ сухопутныхъ войскъ, которыя закрѣпили бы разрушенный артиллерійскимъ огнемъ флота районъ. Какъ извѣстно, союзники производили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ подготовку атаки Дарданелльскихъ фортовъ при помощи весьма частыхъ и настойчивыхъ бомбардировокъ.

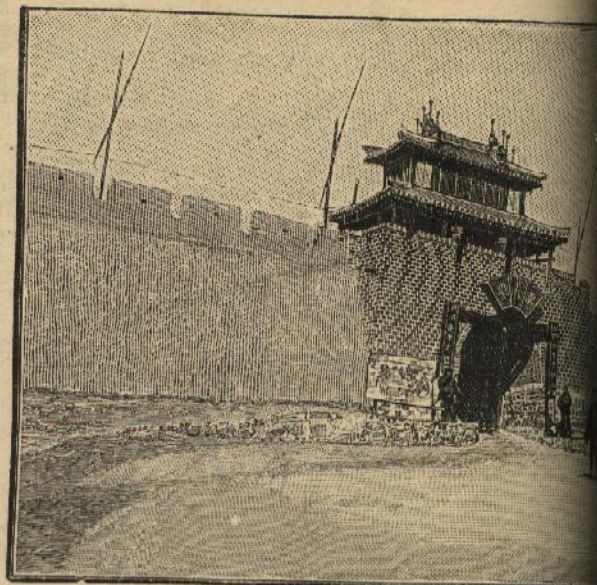
Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ союзники достигли наиболѣе оцугительныхъ результатовъ при бомбардировкѣ старыхъ каменныхъ батарей, построенныхъ еще въ XVII вѣкѣ — Седдуль-Бара и Кумъ-Кале, находящихся у самаго входа въ проливъ. Эти ста-

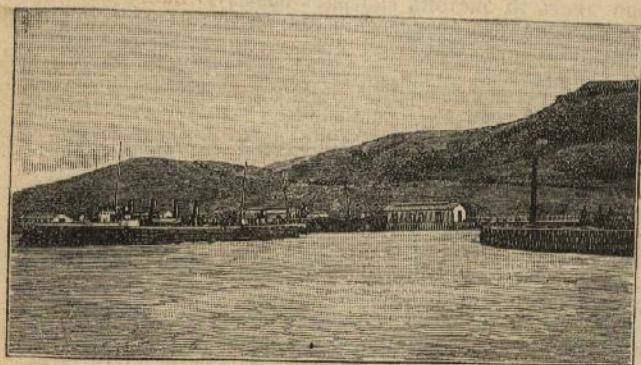
Крейсеръ „Аскольдъ“, вмѣстѣ съ судами союзнаго англо-французскаго флота принимающій участіе въ бомбардировкѣ Дарданеллъ. Во время операціи въ Дарданеллахъ крейсеръ „Аскольдъ“ прославился своей доблестной боевой дѣятельностью при преслѣдованіи германскаго миноносца — крейсера „Эмдена“ и затѣмъ при нападеніи въ Средиземномъ морѣ на турецкія силы, предпринявшія неудавшійся набѣгъ на Египетъ.

Подъемный кранъ.

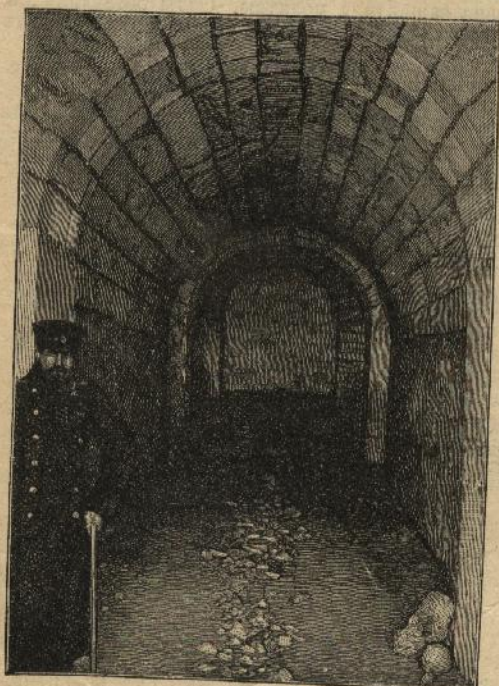
Входъ въ казармы.

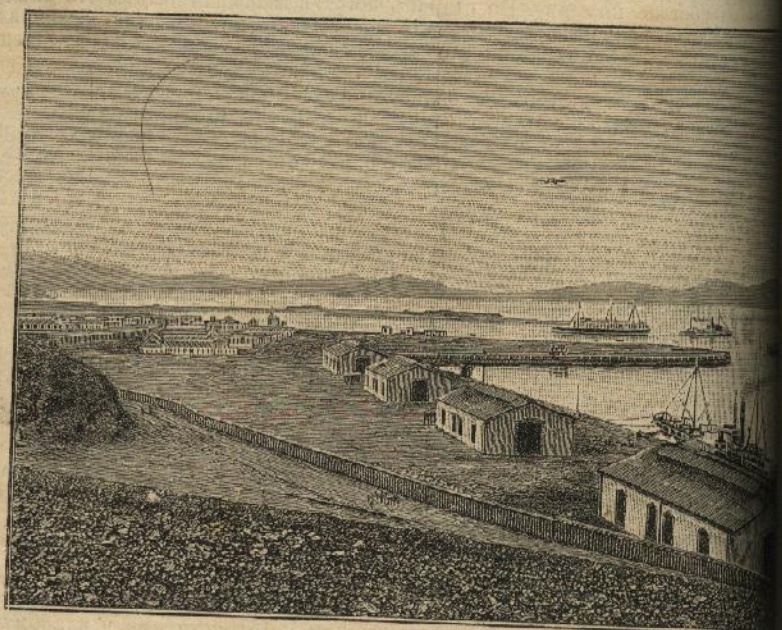
Китайскій крейсеръ.

Внутренній видъ мастерскихъ.

Разрушенный фортъ. Коридоръ.

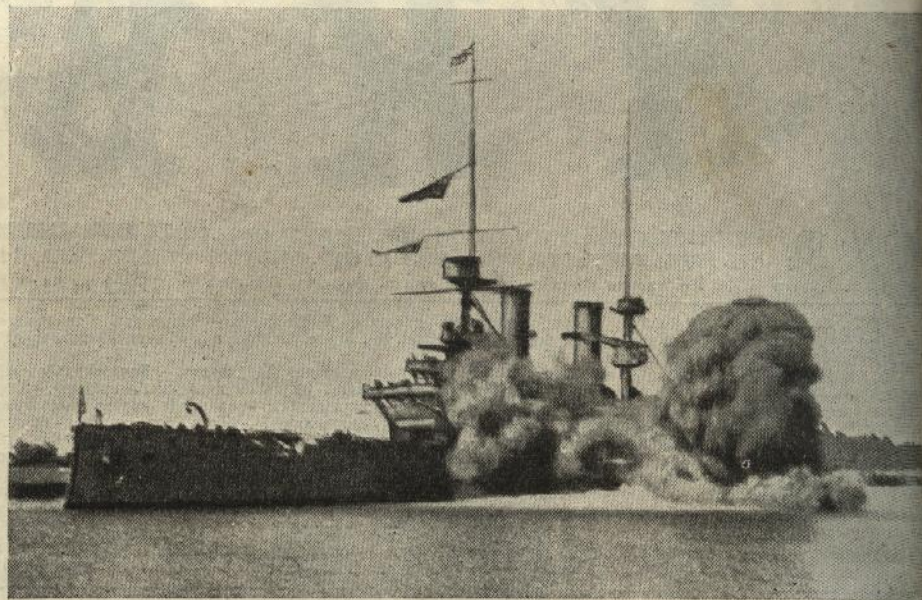
Виды Портъ-Артуа.

рия циклопическая постройка довольно быстро поддались под огнем современных могущественных орудий флота и после нескольких бомбардировок были превращены в груды развалин.

Вслед за тем, как известно, последовала бомбардировка других укреплений — а именно батарей средней зоны. Эти батареи, построенные в позднейшее время, оказались более прочными. Союзные суда, по английским официальным сведениям, все же нанесли и этим батареям повреждения. Обстрел при этом велся очень энергично, и туркам недешево обошлись четыре старые погибшие броненосцы союзников.

Однако, по условиям места, флот не мог развернуться в пролив и стать настолько широким фронтом, чтобы с одной стороны обстреливать сосредоточенным огнем батареи средней зоны, а с другой стороны так раскинуть свои суда, чтобы они не были скучены и не несли больших потерь. Поэтому в помощь бомбардирующему флоту необходимо было высадить десант, который завладел бы самыми опасными батареями средней зоны, — самой узкой части пролива, — при помощи сухопутной атаки.

Таким образом 12-го апреля, т. е.

Бомбардировка Дарданелль. Залп с английского крейсера.

Начальник английских морских сил, бомбардирующих Дарданеллы, вице-адмирал Саквилл Гамильтон Карден (в последние дни вследствие болезни передаль командование адмиралу Робекку).

жен был бы сразу крупным, многочисленным, чтобы сразу же при высадке иметь превосходство в силах над турками. Поэтому, если бы войска были сосредоточены в Египте, их пришлось бы полностью посадить на транспорты. Между тем для перевозки одного корпуса с артиллерией и обозами необходимо не менее 70 пароходов, а следовательно, для 3—4 корпусов, предназначавшихся для десанта, понадобилось бы свыше 200 пароходов. Считая же штабы и разные тыловые армейские учреждения, громадные запасы скарядов на такую армию, продовольствие, фураж, инженерное имущество и проч., мы добьемся к цифре в 300 транспортов, необходимых для перевозки армии в 3—4 корпуса, т. е. 150—200 тысяч человек.

Несомненно, что союзники располагают коммерческим флотом весьма значительным, и для них никакого труда не представило бы собрать 300 больших транспортов. Но самое движение этих транспортов по морю представило бы крайне трудную и сложную задачу. Транспорты нуждаются в охране из военных судов, и охранять 300 транспортов на пути было бы весьма нелегко.

Для этого понадобилось бы очень много военных судов, и все же они не могли бы уберечь такую армаду от случайных покушений отдельных быстроходных крейсеров, миноносцев, или подводных лодок. В данном случае мы подразумеваем, конечно, не покушения турецких миноносцев, а возможный прорыв из Триеста, Каттаро и Поли отдельных быстроходных

к тому дню, когда был произведен десант, положение представлялось в следующем виде: во-первых, батареи внешних Дарданелль окончательно разрушены, и турки оттуда бьжали, а во-вторых, самые важные батареи узкой части пролива сильно повреждены, но турки продолжают оставаться на них, и дальнейшее состязание флота с этими батареями представляется нежелательным, во избежание возможных потерь в судах.

Для подготовки десанта союзникам необходимо было предварительно создать какую-либо базу поблизости от Дарданелльских проливов. Конечно, можно было сосредоточить войска, предназначенные для десанта, допустим, в Египте. Но перевозка на такое большое расстояние, как от Египта до проливов, представляла бы большую неудобства. Десант дол-

австрийских судов, которые могли бы сделать попытки атаковать днем, а вврьбе всего, ночью громадную, лишенную средств обороны, армаду из 300 транспортов.

Все это обязывало союзников найти какую-либо базу, более близкую к Дарданелльским проливам, чем Египет. Такою базой могли служить некоторые острова Эгейского моря, занятые после балканской войны греками. Так как Греция соблюдала нейтралитет, то необходимо было отыскать такое решение вопроса, при помощи которого одновременно был бы соблюден нейтралитет Греции, и в то же время была бы приобретена нужная база.

В данном случае помогло весьма сложное международное правовое положение, в котором находился остров Лемнос. Фактически он принадлежал грекам, и союзные державы даже одно время признавали суверенитет Греции над этим островом. Но Турция отказывалась признать остров греческим, и поэтому вопрос о том, кому принадлежит этот остров, оставался спорным.

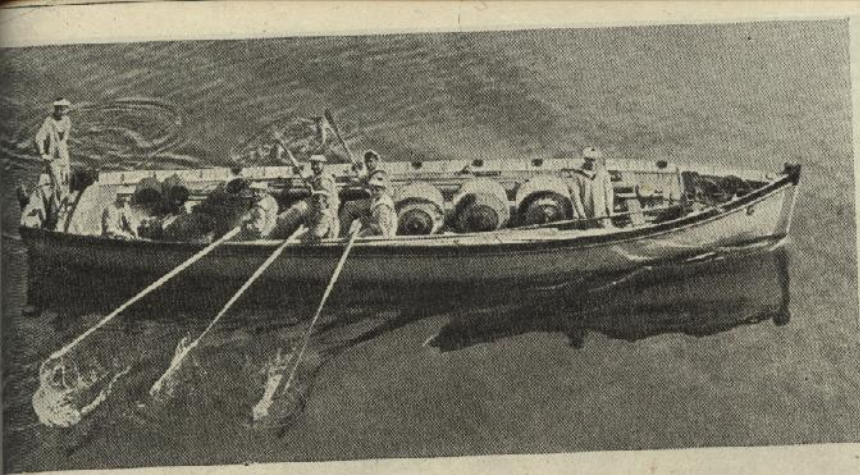
Это дало возможность державам, в виду того, что турки признавали этот остров своим, избрать Лемнос одним из пунктов для сосредоточения десанта. Таким образом остров был занят союзниками, как турецкий, т. е. как территория, принадлежащая вражеской стране, при чем, как говорят, впоследствии этот остров обещано переуступить Греции.

Сосредоточение десанта на острове Лемнос заняло более месяца времени. Операция эта вообще весьма сложная, ибо для того, чтобы создать базу на острове Лемнос, нужно привезти туда все, что потребно для армии. Обыкновенно такой основной базой для всякой армии является ее страна, откуда армия и получает все необходимое через ряд промежуточных баз — складочных пунктов. В данном случае, конечно, возить все из Англии и Франции представлялось слишком сложным и трудным, и поэтому на Лемнос должна была быть создана крайне сложная база, на которой находилось бы решительно все, что только может потребоваться для армии.

Подготовив таким образом в течение более, чем месяца, весьма тщательно громадную и слож-

Адмирал Джон Робекк, вступивший в командование английскими морскими силами, бомбардирующими Дарданеллы (вместо заболевшего адмирала Саквилла Гамильтона Кардена). Адмирал Робекк считается в Англии первым знакомым подводного минного флота.

Совершенно другим образом здесь союзники высадились с широкой стороны полуострова. Задача их заключается в том, чтобы устроить сначала амбаркационный пункт, а затем заняться расширением базы. Амбаркационным пунктом называется тот пункт, где произведена высадка, и где она будет далее производиться. Пункт этот надо укрепить и обезпечить его от всяких покушений противника. В этом состоит устройство амбаркационного пункта.

Уширение базы производится также там, где была сделана высадка, т.-е. здесь уширяется район береговой полосы, занятой высадившимися войсками.

Так как союзники у Сарабаира высадились на широкой части полуострова, то они могут силою оружия значительно расширить занятую ими береговую полосу и тогда будут наступать широким фронтом. А следовательно, в наступлении могут участвовать и развернуться уже и крупные силы.

Численность высадившагося десанта определяется различными корреспондентами различно: от 100 до 200 тысяч. Принимая во внимание, что это цифра преувеличенная, и что, например, англичане высаживали при хороших условиях во Франции по 8 тысяч в день, следует считать, что союзники высадили в течение первых десяти дней примерно около 80 тысяч, т.-е. около двух корпусов. Так как условия для высадки здесь хуже, чем в Кале и Булони, и быть их готовых пристаней и подъемных кранов, то эта цифра, вероятно, несколько меньше и может колебаться от 50 до 60 тысяч человек, высадившихся в первые десять дней. Таким образом союзники в первые полторы недели завладели на Галлипольском полуострове двумя прибрежными пунктами: одним у входа в Дарданеллы — батареей Седдиль-Барь, а другим в тылу батареи узкой части пролива — на побережье Эгейского моря у Сарабаира. Отсюда около 12 верст до батареи средней зоны и около 60 верст до города Галлиполи. Наконец за десять дней высажено около 1 1/2 корпусов.

Таковы первые ближайшие итоги десантной операции у Дарданелл.

В Дарданеллах.

Французские моряки вылавливают мины.

базу на остров Лемнос и на некоторых других островах Эгейского моря. Ранки на разветв 12-го апреля привезли Лемноса войска и произвели десант на европейском побережье в шести пунктах. Из этих шести пунктов пять было дано на европейском побережье, т.-е. на Галлипольском полуострове, а шестой был дан на азиатском побережье. На европейском побережье высаживались английские войска, а на азиатском побережье — индуския.

Весьма понятно, что не на всех этих шести пунктах десант был произведен в одинаковых силах. Шесть пунктов было дано для того, чтобы отвлечь силы турок, и чтобы они не в состоянии были помешать производству самой высадки. Впоследствии, действительно, и оказалось, что из этих шести пунктов три пункта были главными, а три — демонстративными. Главными оказались Седдиль-Барь и Сарабаирь на Галлипольском полуострове, и Кумь-Кале — на азиатском побережье. Но и эти три главных пункта не все имели одинаковое значение.

Из того, что на европейском побережье десант высаживались в пяти пунктах, а на азиатском — только в одном пункте, можно было видеть, что главная высадка происходит на европейском берегу — на Галлипольском полуострове. Следовательно, один из главных пунктов — Кумь-Кале на азиатском берегу — уже имеет меньшее значение, чем другие два главных пункта — Седдиль-Барь и Сарабаирь — на европейском берегу. Но из этих двух последних пунктов опять наиболее важным был Сарабаирь.

Это название пока ничего не говорит читателю, и для того, чтобы уяснить себе сущность десантной операции у Дарданелл, нужно обратиться к карте (см. стр. 344). Седдиль-Барь находится на самой оконечности Галлипольского полуострова, у самого входа в Дарданеллы, а Сарабаирь находится верстах в тридцати к северу от Седдиль-Баря, на берегу Эгейского моря, т.-е. на противоположной от пролива стороне Галлипольского полуострова. Вследствие этого Сарабаирь приходится в самую узкую часть пролива узкой части пролива. Этим и объясняется важность этого пункта, ибо от него только около двенадцати верст до тыла важных батарей узкой части пролива, и, следовательно, союзники, высадившиеся у Сарабаира, могут атаковать турок с суши и взять в тыл самую главную укреплена Дарданелл при помощи сухопутной атаки.

Седдиль-Барь гораздо менее важен. Это — старая батарея, уже разрушенная, как мы указывали выше, союзниками и находящаяся на самой оконечности Галлипольского полуострова, у самого входа в Дарданеллы. Высадившиеся здесь, союзники должны продвигаться вдоль по узкому полуострову, имея справа и слева море. Так как здесь, благодаря морю справа и слева, очень узко, то высадившиеся войска союзников не могут развернуться, поэтому не могут развернуться и турки, ибо и им одинаково узко. Вследствие этого при движении союзников от Седдиль-Баря будут происходить фронтальные столкновения на узкой территории, что должно иметь вообще нерешительный характер.

Командующий французскими силами в Дарданеллах генераль д'Амадь. Генераль д'Амадь — один из выдающихся французских боевых генералов, всю жизнь принимавший участие в дальних колониальных войнах и экспедициях французской армии.

Союзный воздушный флот в Дарданеллах. Гидроплан, возвращающийся с разведки на борту крейсера, к которому он прикомандирован.

Кресты (X) обозначаютъ пункты высадки десанта; XX обозначаютъ Сарабуръ—пунктъ высадки главнаго десанта.

Дарданеллы. На картѣ обозначены крестами мѣста высадки десанта союзныхъ войскъ.

Тевтонамъ.

Въ поляхъ, гдѣ вы прошли, не вырастаютъ травы.
 Клянеть душа природы буйство вашихъ дѣлъ.
 Лежалъ вашъ дерзкій путь къ холму невѣрной славы:
 Морями женскихъ слезъ, по трупамъ дѣтскихъ тѣлъ...
 О, вѣрите: въ веренищъ долгихъ лѣтъ не сгинуть
 Воспоминанія о жути тѣхъ эпохъ,
 Когда тевтономъ былъ печальный дребій вынугъ,
 Увлечшій слабый умъ къ забвенью слова: Богъ...

Павель Орѣшниковъ.

Графъ С. С. Татищевъ.

(Портр. на этой стр.).

29-го марта с. г. въ Петроградѣ скончался начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати графъ Сергій Сергѣевичъ Татищевъ. Неумолимая смерть похитила этого выдающагося государственнаго работника и рѣдкой души человѣка въ расцвѣтъ дѣятельности, на 42-мъ году жизни. Крѣпкій молодой организмъ долго боролся съ тяжелой болѣзью, вызванной несчастной случайностью—порѣзомъ при бритьѣ.

За недолгой сравнительно срокъ своей послѣдней, наиболее выдающейся, дѣятельности во главѣ Управленія по дѣламъ печати графъ С. С. Татищевъ своимъ исключительнымъ тактомъ и чистого государственнымъ умомъ сумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ представителей нашей печати, видѣвшей въ немъ человѣка строгой лояльности, аккредитованнаго правительствомъ при седьмой державѣ—печати. Отстаивая интересы государства во имя общаго служенія родинѣ, графъ С. С. Татищевъ былъ истиннымъ другомъ печати, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія.

Оплакивая безвременную кончину графа С. С. Татищева, одна изъ столичныхъ газетъ справедливо примѣнила къ его свѣтлой памяти слова поэта: „у богатого недруги мрутъ, а у бѣднаго другъ умираетъ“.

Вся печать, держащая которую въ рамкахъ законности была поставленъ графъ С. С. Татищевъ, единодушно, безъ различія взглядовъ и направленій, принесла даръ любви и уваженія его свѣтлой личности, „сплела ему неувядаемый вѣнокъ изъ живыхъ словъ“.

„Бережно обращайтесь съ живымъ печатнымъ словомъ“,—это наставленіе графа С. С. Татищева каждому цензору—лучшая характеристика вѣрой его дѣятельности. Сознаніе силы и значенія печатнаго слова диктовало ему уваженіе къ чужому мнѣнію, которое онъ проявлялъ столько же въ широкихъ предѣлахъ своего вѣдомства, сколько и въ комиссіяхъ Государственной Думы при обсужденіи вопросовъ, касающихся новаго законопроекта о печати.

Руководясь завѣтомъ покойнаго П. А. Столыпина: „единая, неделимая и мощная Россія, безудержно идущая впередъ по пути государственной жизни“, графъ С. С. Татищевъ въ новомъ законопроектѣ о печати отмѣнилъ, какъ устарѣвшую и несправедливую мѣру, систему административнаго воздѣйствія на печать, стараясь подчинить ее лишь рамкѣ строгой законности.

Почившій не дожидъ до желаннаго дня обсужденія своего законопроекта въ стѣнахъ законодательныхъ учрежденій. Ему такъ хотѣлось скорѣе этого достигнуть въ настоящемъ юбилейномъ для Главнаго Управленія по дѣламъ печати году: 6-го апрѣля исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня установленія этого учрежденія. С. Н.—пъ.

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати графъ Сергій Сергѣевичъ Татищевъ († 29-го марта 1915 г.).

ь подарками на боевых позиціяхъ.

черкъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

(Съ 5 рис. и 2 портр. на стр. 345—348).

Пасный петроградской городской думы Н. П. ... и пишущій эти строки отправились на ... чтобы раздать праздничные подарки отъ ... офицерамъ столичнаго горнизона. ... насть „прицѣпили“ къ эшелону сибирскихъ стрѣлковъ. Эти могучіе, крѣпкіе, словно ... горной породы, сибирцы въ косматыхъ ... были двадцать шесть дней въ пути. ... хоть бы что! Ни вилости ни утомленія. ... елки, веселые, словоохотливые, только и ду ... о томъ, какъ бы скорѣе очутиться на ... щихъ.

Среди этихъ скуластыхъ монументальныхъ ... дремучей тайги оказался чистокровный ... андузь, дѣтище парижскихъ бульваровъ. ... зовутъ это дѣтище Габріелемъ Эльченъ. Онъ ... высокъ, сухощавъ, гибокъ. Ему скорѣе пошла ... экзотическая форма зуава, чѣмъ громадная ... шаха и сѣрая солдатская шинель. Но и въ па ... и въ шинели съ мѣшкомъ на спинѣ фран ... чувствуетъ себя великолѣпно.

Но какъ очутился въ сибирскихъ стрѣлкахъ ... каницъ Габріэль Эльченъ?

А вотъ какъ: Въ юности, увлекшись описаніемъ жизни и ... приключеній колониальныхъ солдатъ, ... бріэль покинулъ родительскій домъ, уѣхалъ въ сѣверную ... ику и поступилъ рядовымъ въ знаменитый иностранный ... нтъ, силою комплектующейся изъ волонтеровъ всѣхъ на ... альностей и всѣхъ отгѣнковъ кожи.

Габріэль Эльченъ дрался въ Марокко съ арабами и сдѣлалъ ... трудныхъ похода въ глубь пустыни.

Отслуживъ пятилѣтній срокъ въ легионѣ, Эльченъ очутился въ ... есѣ, а потомъ закинуло его въ Сибирь. Здѣсь онъ утомился ... время, поступивъ влергомъ въ одно французское предпріятіе. ... сторѣвшаяся война тотчасъ же нарушила покой этого симпа-

На позиціяхъ. Капитанъ генеральнаго штаба А. Ф. Г... и нашъ сотрудникъ Н. Н. Брешко-Брешковскій.

тичнаго искателя приключеній. Первой его мыслью было про ... обратиться во Францію, но, когда это оказалось невозможнымъ или, ... по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительнымъ, онъ поступилъ ... въ батальонъ сибирскихъ стрѣлковъ, разсуждая весьма логично, ... что въ концѣ концовъ результатъ одинаковый, — будетъ ли онъ ... драться съ врагами своей родины — Франціи на западномъ, ... или на восточномъ фронтѣ? И развѣ русская армія не близка ... ему по общей идѣ сокрушенія германской гидры?

И вотъ онъ бодро шагаетъ въ нападѣ съ винтовкой, въ сѣрой ... колоннѣ сибирцевъ.

На позиціяхъ. Георгіевскіе кавалеры гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Роздых и развлечения на позиціях. Пѣсни и пляски нашихъ солдатъ въ 400-хъ шагахъ отъ непріятельскихъ окоповъ.

На послѣдней станціи, откуда стрѣлки должны были двинуться уже походнымъ порядкомъ, а мы собирались пересѣсть въ автомобиль. Н. П. Зеленко, сказавъ французу нѣсколько теплыхъ напутственныхъ словъ, снабдилъ его подарками.

Двадцативерстный автомобильный пробѣгъ по шоссе, ровному, гладкому, среди мягкой весенней ночи, пропитанной смолистымъ ароматомъ придорожныхъ елей и сосенъ, — былъ прямо наслажденіемъ.

Вотъ и городъ, погруженный во мракъ, безлюдный и вымерший, ежеминутно ожидающій налета воздушныхъ пиратовъ, уже бросившихъ здѣсь въ Страстную субботу около сотни бомбъ. Въ результатъ — нѣсколько брешей въ частныхъ домахъ, развороченная крыша кирхи и нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ двѣ женщины, одна дѣвочка, — бѣднаго ребенка разорвало въ клочки, — и старый 96-лѣтній еврей.

Намъ отвели помѣщеніе въ пригнутаго хозяевами польскомъ домѣ, гдѣ мы устроились съ большимъ комфортомъ. На слѣдующій день — обѣдъ въ штабѣ корпуса. Командиръ корпуса оказалъ намъ необыкновенно радушный пріемъ.

За обѣдомъ, сказавъ горячую привѣтственную рѣчь отъ Петрограда, Н. П. Зеленко роздалъ всему штабу подарки. Каждый подарокъ — изящно свернутый пакетъ, заключающій въ себѣ фунтъ свѣчей, фунтъ шоколада, сотню папирсъ, почтовую бумагу, карандаши, англійскія булавки и два лимона.

Въ большомъ культурномъ городѣ такой подарокъ производить, пожалуй, наивное впечатлѣніе своей скромностью. Но тамъ, на позиціяхъ, гдѣ всѣ, до блестящихъ гвардейцевъ включительно, живутъ въ землянкахъ, въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ, — тамъ и шоколадъ, и лимонъ, и свѣчи — кетати, въ арміи здѣются на недостатокъ свѣчей, — тамъ все это пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Послѣ обѣда въ предоставленныхъ намъ автомобиляхъ мы уѣхали на позиціи. Сзади двигались грузовики съ подарками.

Весенній день сіялъ. Половодье затопило рѣку, и Богъ знаетъ куда разлились ея необъятныя воды. Мостъ охранялся часовыми, спросившими у насъ пропускъ.

Сейчасъ же за городомъ потянулись резервные окопы, форты, линіи проволочныхъ загражденій. На одномъ изъ фортовъ цѣлый рядъ пулеметовъ нащупывалъ своими жерлами ясныя безоблачныя небеса, чтобъ въ любой мо-

ментъ обстрѣлять воздушныхъ пиратовъ, если бѣ имъ вздумалось повторить разбойничій набѣгъ.

Все дальше и дальше — навстрѣчу новымъ впечатлѣніямъ. По шоссе на каждомъ шагу санитарные автомобили, двуколки, отряды пѣхоты, всадники, разбѣздами и въ одиночку. Придорожныя халупы, въ которыхъ расквартированы нижшіе чины, по-праздничному разукрашены лапчатыми зелеными вѣтвями елей. Лѣтся пѣсни, слышны веселые звуки гармоніи. И у всѣхъ бодрый, праздничный видъ.

Пѣмцы не могутъ похвастаться такимъ бодрымъ, сытымъ видомъ. Въ первый день праздника около ста пятидесяти германскихъ солдатъ явились безъ винтовокъ въ наши окопы, прося накормить ихъ. Намъ цевъ угостили на славу. Такъ угостили, что у нихъ пропала всякая охота возвращаться домой. И они остались, добровольно сдавшись въ плѣнъ. Я видѣлъ этихъ плѣнниковъ въ городѣ. Это уже далеко не тѣ перволинейныя войска, съ иголки отбѣтыя, которыми щеголяла Германія въ первый мѣсяцъ войны. Все сплошь — глубокой ландштурмъ, изнуренный, въ коакъ пригнанной формѣ и въ бланобразныхъ безкозырькахъ вмѣсто высокорныхъ касокъ. Касокъ нѣтъ больше. Кончилисъ!..

Я говорилъ съ плѣнными. Общее впечатлѣніе — безпросвѣтное уныніе... Они повѣрили наконецъ, что надъ ихъ страшно повисъ Дамокловъ мечъ, и разгромъ неминуемъ.

Они прямо заявляютъ:

— Мы устали воевать! Намъ утомила безцѣльность дальнѣйшей борьбы, дальнѣйшаго сопротивленія. Лучшія войска наши погибли во Франціи, въ Польнѣ, въ Карпатахъ, а мы, ландштурмъ, являемся пущенымъ мясомъ.

Рѣзкій переломъ, очень рѣзкій. Силы врага надломлены. Держимъ путь дальше. Заѣзжаемъ въ штабъ дивизіи, пріютившейся въ лѣсной усадьбѣ, къ слову сказать, принадлежавшей нѣмцу, который, чуя за собою грѣхи по части пѣнонажа, благо-разумно скрылся куда-то, вѣрнѣе всего, сбѣжалъ въ свой родной „фатерландъ“.

И здѣсь радушный пріемъ въ лицѣ начальника дивизіи со всѣмъ его штабомъ. И здѣсь, какъ и въ штабѣ корпуса, живутъ всѣ тѣсно и дружной семьей.

Дальнѣйшая дорога уже на самыя передовыя позиціи, затопленная распутицей, — сумная бѣда для автомобилей. Того и гляди, застрянутъ. Штабъ дивизіи предложилъ свои брчичи и подводы. Мои спутники пересаживаются, перегружаются подарка, а мы

Роздых и развлечения на позиціяхъ. Грузинъ-артиллеристъ исполняетъ восточный танецъ съ кинжалами и съ бутылкой на головѣ.

Генераль-отъ-кавалеріи генераль-адъютантъ
В. М. Безобразовъ.

двѣею съ энергичнымъ капитаномъ генеральнаго штаба А. Ф. Г...
дѣдемъ верхомъ. Капитанъ Г... отъ важныи офицеръ, съ характернымъ татарскимъ лицомъ, посѣщаетъ всюду, работая въ штабѣ, участвуя въ бояхъ, дѣлая развѣдки. Съ нимъ его ординарецъ, видный, красивый казакъ Ч., георгиевскій кавалеръ и лихой развѣдчикъ.

Прежде всего очутились мы на полевой батарее съ окопами и прикрывающей ее пѣхоты. Вся почва разрыта нѣмецкими снарядами, нащупавшими батарею, но, къ счастью, не причинившими ей никакого вреда. Намъ окружили офицеры, вышедшіе изъ своихъ землянокъ. Эти блестящіе петербуржцы, живущіе въ большихъ барскихъ квартирахъ

на Сергіевской и Моховой, теперь ютятся по двое и по трою въ крохотной землянкѣ. Здѣсь подарки имѣли громадный успѣхъ, и солидные капитаны, словно кадеты, радовались свѣчамъ и лимонамъ.

Свѣчи — наше больное мѣсто, — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Втридорога покупаемъ какую-то парафиновую дрянь, отъ которой больше копоти, чѣмъ свѣта.

Вематриваешься въ офицеровъ, солдатъ, столпившихся поодаль, — сердце радуется, такой у всѣхъ увѣренный, бодрый видъ. Ни одного унылаго, по-

Французскій доброволецъ Габріэль Эльченъ, сражающійся въ рядахъ сибирскихъ стрѣлковъ, вручаетъ кисеть съ подарками отъ представителя петроградской думы гласнаго Н. П. Зеленко.

надъ врагомъ.

двѣею съ энергичнымъ капитаномъ генеральнаго штаба А. Ф. Г...
дѣдемъ верхомъ. Капитанъ Г... отъ важныи офицеръ, съ характернымъ татарскимъ лицомъ, посѣщаетъ всюду, работая въ штабѣ, участвуя въ бояхъ, дѣлая развѣдки. Съ нимъ его ординарецъ, видный, красивый казакъ Ч., георгиевскій кавалеръ и лихой развѣдчикъ.

Когда мы сворачивали втроемъ съ шоссе на проселочную дорогу, двое польскихъ деревенька съ ветхимъ костоломъ. Здѣсь штабъ полка. Въ тысячахъ шаговъ германскіе окопы. Пули сплошь да рядомъ попадаютъ на кухонную плиту, гдѣ расторопный денщикъ готовитъ своему генералу обѣдъ. Но этотъ обстрѣлъ никого не смущаетъ. И люди живутъ, совершенно забывая о близости врага, забывая о своемъ повседневномъ обиходѣ. Но тамъ, дальше, за деревней, линіи нашихъ окоповъ грозно оцетинились по направлению окоповъ германскихъ. Расстояние между тѣми и другими около двухсотъ шаговъ. Тѣ и другіе заставились рогатками, оплелись колючей проволокой и выжидаютъ неусыпно и зорко.

Поднимаемся на старую деревянную колокольню. Оттуда ясно, простымъ глазомъ, видны линіи позицій — наши и германскія. Намѣчаются даже силуэты фигуръ.

Стъ позволенія полкового командира капитанъ Г... хочетъ еще ближе показать мнѣ германскіе окопы. И вотъ мы идемъ черезъ всю деревню, входимъ во фруктовый садъ и, пригибаясь, перебѣжками отъ одного дерева къ другому, достигаемъ каменной покинутой постройки. Войти дверью нельзя. На виду! И мы карабкаемся въ окно по доморощенной лѣсенкѣ. Гулко отдаются шаги въ пустыхъ комнатахъ. Вотъ мы на чердакѣ и, лежа на полу, глядимъ въ выбитое слуховое окно. Отсюда близко, до жуткаго близко...

Безъ блинокля ясно видишь металлическое кружево нѣмецкихъ проволочныхъ загражденій. Видишь головы въ плоскихъ безкозыркахъ, высунувшіяся изъ окоповъ... Сте-летается въ воздухѣ сигарный дымокъ.

Странное чувство: наблюдать врага на такомъ близкомъ разстояніи. И тѣмъ болѣе — слуховое окно обстрѣливалось. Кое-гдѣ сухое почернѣвшее дерево расщеплено вши-вшимися въ него пулями.

Когда мы вернулись такими же перебѣжками отъ дерева къ дереву, на площади гремѣлъ полковой оркестръ. Изъ густой человѣческой подковы рослихъ и видныхъ солдатъ одинъ за другимъ ходили плясуны, пускаясь въ бѣшеную присядку. И сколько жизни, искрометной удачи, сколько молодечества въ этомъ забубенномъ „казачкѣ“, въ какихъ-нибудь шестистахъ шагахъ отъ непріятели, заѣвшаго вдоль окоповъ по гребню бугра.

Мы уѣхали въ другой полкъ. — и тамъ то же настроеніе. Солдаты плясали, разыгрывая въ лицахъ и весьма талантливо „Кузню“

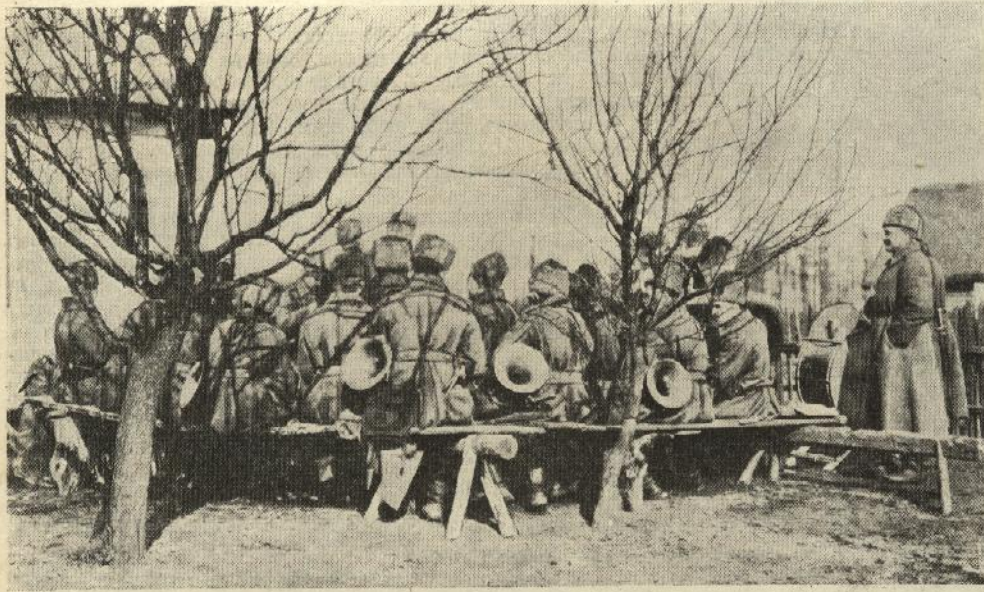
Поэтъ князь Федоръ Николаевичъ Касаткинъ-Ростовскій въ дѣйствующей арміи.

Поэтъ князь Федоръ Николаевичъ Касаткинъ-Ростовскій въ дѣйствующей арміи.

Поэтъ князь Федоръ Николаевичъ Касаткинъ-Ростовскій въ дѣйствующей арміи.

Мы уѣхали въ другой полкъ. — и тамъ то же настроеніе. Солдаты плясали, разыгрывая въ лицахъ и весьма талантливо „Кузню“

Оркестръ въ штабѣ полка.

Одинъ изображалъ собою наковальню, двое другихъ бережно опускали на его спину два своихъ кулака, точно два молота. И получалась иллюзія дѣйствительной кузницы, иллюзія включительно до тяжелыхъ вздоховъ запыхавшаго мѣха.

И тутъ же поодаль по скату холма собрана была исполнинская группа георгіевскихъ кавалеровъ. Величественное зрѣлище,—эта семья рослыхъ красавцевъ и богатырей, съ блестящими на груди крестами. Попадались герои — счастливые обладатели трехъ и даже четырехъ крестовъ.

И здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ намъ пришлось быть, бросалась въ глаза тѣсная нерушимая спайка между команднымъ офицерскимъ составомъ и нижними чинами. Молодые подпоручики съ нажескимъ крестикомъ, недавно прѣхавшіе въ полкъ, уже знали всѣхъ солдатъ поименно. Знали, гдѣ и когда, и при какихъ

Наша пѣхота на улицахъ города Станиславова.

Наша кавалерія на улицахъ города Станиславова.

условіяхъ каждый изъ нихъ блочился...

За такимъ офицеромъ солдатъ пойдеть, куда угодно, пойдеть въ побѣдамъ и славъ.

На другой день намъ привелось увидѣть, опять-таки на позиціяхъ, среди унылыхъ болотистыхъ равнинъ, настоящую экзотику. Эта экзотика — смуглые, горбоносые, въ косматыхъ папахахъ и въ черкескахъ, казакскіе артиллеристы. Нѣкоторые одѣты были, правда, и въ защитную форму. Отличался среди нихъ своей безподобной лезгинкою рядовой Захаръ Захаровичъ Коселашвили. Не довольствуясь обычнымъ исполненіемъ лезгинки, онъ мастерски плясалъ ее съ бутылкой на головѣ и съ кинжалами въ обѣихъ рукахъ. И какой-то особой граціей дышало каждое его движеніе. И онъ плясалъ безъ усталы подъ монотонный заунывный восточный мотивъ ударявшихъ въ ладоши товарищей. Они пѣли „Алаверды“

и еще что-то. Живописная была картина.

Таковы обрывки впечатлѣній изъ недавняго посѣщенія нашихъ позицій. Ясное, бодрѣющее впечатлѣніе, и во всемъ чувствуется свѣжая мощь нашихъ доблестныхъ полковъ, сбившихъ навесегда спесь съ обнагѣвшихъ тевтоновъ.

Въ заключеніе упомяну о встрѣчѣ съ поэтомъ княземъ Ѳ. Н. Касаткинымъ-Ростовскимъ. Война, и въ особенности галиційскій походъ, все это вмѣстѣ вдохновило его на цѣлый томикъ новыхъ батальныхъ стихотвореній. Я сразу даже не узналъ талантливаго поэта, съ которымъ я видѣлся года четыре назадъ,—такъ онъ помолодѣлъ въ боевой обстановкѣ, и такъ обвѣтрилось его мужественное лицо.

Сбились съ пути.

Сторожка въ лѣсу.

Рассказъ В. Муйжеля.

I.

Въ лѣсу было темно, хотя въ небѣ, очень высоко, стоялъ свербленый мѣсяць, и звѣзды мигали молчаливо и грустно въ просвѣтахъ рѣдкихъ, свѣтлыхъ облаковъ.

Съ полночи стало морозить — и земля затвердѣла, а палые листья на ней стали, какъ стеклянные, и шуршали подъ копытомъ лошади сухо и громко. Когда подалась лужица, подковы звонко пробивали ее, и въ Pastorожившей тишинѣ ночи звукъ казался рѣзкимъ, страшнымъ, разносящимся чуть не на версту. Иногда одна изъ лошадей оступалась, проваливаясь ногой въ яму. Ъхавшій на ней казакъ вытягивалъ ее нагайкой и, задержавъ поводья, ругалъ сдержаннымъ, злобнымъ голосомъ. Въ такихъ случаяхъ Дымба, — уже немолодой, прожившій большую часть своей невеселой жизни, офицеръ, прикомандированный къ бригадѣ главнымъ образомъ потому, что зналъ хорошо эти мѣста, такъ какъ нѣсколько лѣтъ стоялъ здѣсь постоемъ, — оборачивался назадъ и свирѣпымъ шопотомъ шипѣлъ на казака:

— Ты-ы, корова! Распустилъ поводья, еще уссурійецъ!..

Дымба, всю свою жизнь проведеній въ драгунскомъ полку, гдѣ бдили на высокихъ караковыхъ лошадяхъ стройные, широкогрудые солдаты, съ легкой насмѣшкой относился къ сотнѣ за-

кальцевъ, несущихъ при бригадѣ разбѣдочную службу и работавшихъ больше въ разбѣздахъ и по связи, чѣмъ въ атакахъ и выступленіяхъ. Это были совершенно особенные люди: небольшого роста, крикостые и не совсѣмъ складные, ходившіе по землѣ такъ, словно ноги ихъ съ каждымъ шагомъ вращались въ землю крѣпко и твердо. Всѣ, какъ одинъ, были они на маленькихъ до смѣшного лошадеикахъ какого-то желтовато-мышагаго цвѣта, мохвальныхъ, толконогихъ и длинногривыхъ. Когда сотня пришла въ бригаду, солдаты подняли на смѣхъ этихъ невиданныхъ кавалеріецовъ, молча, но съ видимымъ добродушіемъ выслушивавшихъ крѣпкія шутки рослыхъ драгунъ и уланъ. Но когда въ тяжелые, трудные мѣсяцы войны выяснилось, что эти мышата, на которыхъ крѣпко и легко, какъ-то стойкомъ, сидятъ забайкальцы, могутъ три дня не бѣть совершенно и не терять всей своей бойкой выносливости, могутъ безостановочно сдѣлать переходъ въ пятьдесятъ верстъ и тотчасъ послѣ этого, безъ отдыха, возстановлять связь съ штабомъ дивизіи или корпуса, тѣлая еще двадцать верстъ: что эти смѣшныя мохнатая звѣрюшки способны пробираться по такимъ дорогамъ, гдѣ тяжелая драгунская лошадь непременно завязла бы, и притомъ со скоростью, совершенно не-

предвидѣнной, — солдаты перестали смѣяться и только съ изумленіемъ поглядывали на молчаливыхъ сибиряковъ.

Самъ Дымба сразу своимъ старымъ кавалерійскимъ глазомъ оцѣнилъ новыхъ товарищей. Когда нужно было отправляться въ разбѣздъ, требующій выносливости, силы и ловкости, на разбѣдку, гдѣ нуженъ былъ надежный народъ, — онъ всегда бралъ съ собою уссурійцевъ и не имѣлъ за все время войны ни одного случая расквашиваться въ этомъ. Но старая привычка къ выдержанному строю, подобраннымъ лошадямъ, вѣчно живущій въ душѣ каждый кавалеріеца отголосокъ молодого ухарства, — того самаго, что такъ ярко проявляется на большихъ маневрахъ и парадахъ, — все же крѣпко сидѣло въ душѣ немолодого штаб-ротмистра; и, оглядывая передъ выѣздомъ кучку казаковъ, неподвижно ожидавшихъ его выхода на своихъ, чѣмъ-то неуловимо напоминающихъ мышатъ, лошадеикахъ, каждый разъ бормоталъ себѣ подъ носъ въ сдѣбующіе, коротко подстриженные усы:

— Ну, команда... Какая-то собачья кавалерія! Развѣ это лошади?..

Дымба былъ немолодъ, прожилъ долгую, какъ-то по-особенному скучную жизнь и не любилъ говорить. Чтобы быть разговорчивымъ, надо имѣть влеченіе къ людямъ, тянуться къ общенію съ ними, а Дымба былъ замкнутъ по характеру, выросъ одинокимъ, и даже отдаленные, почти совсѣмъ потонувшіе въ памяти, дни давняго дѣтства и далекой молодости — и тѣ были подернуты какимъ-то тусклымъ, темнымъ туманомъ.

Былъ онъ сиротой съ восьми лѣтъ, до корпуса жилъ у дяди-опекуна, потомъ безвыходно въ корпусѣ, потомъ въ училищѣ. Кажется, за все пребываніе въ этихъ заведеніяхъ видѣлъ онъ дядю два раза: разъ, когда дядя женился вторично, и еще, когда ему, Дымбѣ, исполнилось двадцать лѣтъ. Тогда дядя вызвалъ его, какъ онъ говорилъ, дать какой-то отчетъ по онегѣ, но никакого отчета не далъ и все крихтѣлъ, потиралъ руки и красилъ, какъ мальчишкѣ, и юнкеру было жаль его. А когда Дымба выходилъ въ полкъ и стали нужны деньги, выяснилось, что денегъ всего двѣ съ половиной тысячи, а остальные все ушли на образованіе и воспитаніе его же, Дымбы. Молодой офицеръ махнулъ рукой и уѣхалъ, и, кажется, самымъ яркимъ воспоминаніемъ за всю его жизнь было трехдѣльное прожиганіе этихъ двухъ тысячъ...

А потомъ пошла скучная сѣрая жизнь, замкнутая и сдержанная, сначала отъ того, что кругомъ были богатые, обеспеченные люди, бросавшіе иногда все третнее жалованье денщикамъ, а Дымба жилъ на это жалованье, потомъ уже по привычкѣ... И такъ шли годы, то въ глухихъ, до невозможности грязныхъ сврейскихъ мѣстечкахъ западнаго края, то въ лагерныхъ палаткахъ на маневрахъ, — глухая скучная жизнь, наполненная единственнымъ, что могло наполнить ее, — службой со всѣмъ разбѣреннымъ, высокомерно сдержаннымъ корнемъ превращался въ неразговорчиваго, казавшагося холоднымъ, поручика, потомъ въ угрюмаго, молчаливаго штабъ-ротмистра.

Былъ Дымба въ китайской кампаніи добровольцемъ, потому что ихъ полкъ не ходилъ туда, и пришелъ оттуда еще болѣе угрюмымъ, какъ будто недовольнымъ чѣмъ-то. Съ тѣхъ поръ онъ усиденно занялся службой, муштровалъ солдатъ, тренировалъ лошадей и сразу обратилъ на себя вниманіе своей частью. Потомъ былъ въ японскую кампанію, получилъ двѣ раны и золотое оружіе, но и послѣ этой войны вернулся какъ будто неудовле-

Дозоръ казаковъ.

Казачья жизнь на боевыхъ поляхъ. По фот. Г. В. Грузинцева.

творенным чѣм-то, еще ревностнѣе налегъ на службу, отдавал ей все время, и говорил, кажется, только съ вахмистромъ и солдатами, а въ обществѣ товарищей-офицеровъ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу, молча наблюдая своими маленькими, глубоко запавшими подъ крутыя брови, сѣрыми глазками. И странная суровость, не осуждающая, не требующая чего-либо отъ другихъ, а замкнувшаяся въ себѣ суровость, легла угрюмой печатью на его лицѣ.

Молодые офицеры побаивались его, пожилые уважали, а начальство цѣнило, какъ одного изъ самыхъ толковыхъ, дѣльныхъ помощниковъ. Но все не то что сторонились, а осторожно обходили его, какъ будто боясь потревожить себя темной, неясной мыслью, что будить въ душѣ нелюдимый человѣкъ, словно боясь спугнуть молодую жизнерадостность суровымъ изломомъ каменныхъ бровей этого человѣка.

А можетъ-быть, всѣмъ только казалось это оттого, что черезъ все лицо отъ лба, черезъ бровь, внизъ по щекѣ прошелъ по лицу Дымбы глубокой зарубцевавшейся синей складкой омертвѣвшей кожи шрамъ, — слѣдъ японской шашки.

Такъ жилъ молчаливый, казавшійся всѣмъ суровымъ, штаб-ротмистръ драгунскаго полка Дымба, и даже радость жизни, любовь, ни разу не освѣтила его дней своей улыбкой...

II.

Въ лѣсу было темно, хотя шоссе, вдоль котораго ѣхали, свѣтилось голубоватымъ тонкимъ свѣтомъ: луницы на немъ иногда

Полковой священникъ во время своего ежедневнаго обхода позицій.

Полковой священникъ верхомъ у батареи на передовыхъ позиціяхъ.

Въ Карпатахъ. На позиціяхъ. Полковой священникъ на батарее.

внезапно блестяли кованымъ серебромъ, ухабы чернѣли тѣневой стороной, и казалось, что вся широкая, какъ бы сказочная, таинственная дорога ждетъ и слушаетъ осторожный ходъ кавалерійскаго разъѣзда, прятчущагося въ тѣни.

Тамъ, гдѣ ѣхали солдаты, черныя густыя тѣни путались прихотливой сѣткой съ пятнами луннаго свѣта, и нестрой, вытканный удивительнымъ по нѣжности и силѣ художникомъ, узоръ лежалъ на присыпанной, чуть чуть окрѣпшей подъ легкимъ морозомъ, землѣ.

Шли уже часа полтора—вначатѣ рысью въ районѣ полковаго штаба, рысью прошли затанчивуюся въ пологой ложбинкѣ между искусственно насаженныхъ кустовъ батарею, потомъ окопы резервовъ, потомъ передовую линію. Приостановились только на минуту на окрикъ высланныхъ впередъ секретовъ, придушенный, таинственный и какъ будто пугливый окликъ:

— Кто идетъ? Пропускъ?

Дымба шевельнулъ впередъ своего донца, — сухого, поджарого, горбоносого и некрасиваго вѣчно торчащими, несмотря ни на какой кормъ и отдыхъ, маклоками, — донца, за котораго войсковой старшина второочереднаго полка давалъ сначала пятьсотъ, потомъ семьсотъ, потомъ думалъ два дня и рѣшилъ дать тысячу, чтобы выслу-

шать тотъ же, что и прежде, отвѣтъ: „такихъ коней не продаютъ: ихъ или дряхлятъ, когда самъ умираешь, или теряютъ убитыми въ какой-нибудь схваткѣ“.

Штабъ-ротмистръ вплотную наѣхалъ на солдата и, наклонившись съ сѣдла, минуту смотрѣлъ на него.

— Далекъ онъ? — не громко, не отвѣчая на вопросъ, спросилъ онъ. Солдатъ крѣпко сжалъ винтовку и настойчиво, но попрежнему тихо повторилъ вопросъ:

— Пропускъ, или стрѣлять буду!

Дымба помолчалъ, ему понравился настойчивый солдатъ, и небрежно уронилъ пропускъ:

— Пропускъ сегодня — подкова... Далекъ онъ?

— Прямо ежели — версты двѣ, — спуская винтовку, облегченнымъ

голосомъ зашепталъ солдатъ: — секреты и ближе, только прямо болото!.. Пѣшему ежели — наши провести могутъ, а на конѣ нельзя, ваше высокородь...

— Знаю. Надо обходомъ — версты пять будетъ!

Онъ тронулъ Кобчика, тотъ вздрогнулъ всей своей золотистой шерстью и съ мѣста пошелъ разгонистой особенной рысью, за которую такъ любилъ его Дымба.

Когда выѣхали къ шоссе, перешли на шагъ и, не поднимаясь на насыпь, нечерченную застывшими колеями, обсаженную высокими ветлами, потянулись „волчьей вязкой“, одинъ за другимъ, по глубокой канавѣ до лѣса. А въ лѣсу построились по два въ рядъ и также шагомъ, стараясь не шумѣть, не брякнуть случайно ножами подтянутой шашки, пошли къ желѣзнодорожной сторожкѣ.

Желѣзнодорожная колея давно уже не работала. Во

Въ Карпатахъ. Фельдшеръ раздаетъ лѣкарства больнымъ воинамъ.

Раненые в костель в Балешань (Галиция).

тих мѣстахъ путь былъ взорванъ, и развороченные пироклинномъ рельсы странно и непривычно для глаза распознались стороны, поднялись мѣстами кверху и торчали, скрученные силой на разбѣхавшихся, покосившихся шпалахъ.

Дымба уже не разъ видѣлъ все это—и даже въ этомъ самомъ гдѣ былъ два раза, подползая къ самой сторожке и слѣди за кустовъ за ея таинственной жизнью.

Единственно, развѣдочная часть была не въ его вѣдѣніи, но былъ охотничій инстинктъ замкнутого офицера, двумя кампани убѣдившагося въ томъ, что единственно, изъ-за чего стѣнать и служить—это изъ-за войны, особое, никогда, и нигдѣ кромѣ ны, не испытываемое имъ чувство азарта толкало его на рѣзки; въ бригадѣ уже къ этому привыкли, и когда нужно было выполнить опасное, трудное дѣло, обращались къ нему, командированному къ штабу бригады штабъ-ротмистру, исключительно изъ-за знанія мѣстности. И Дымба безропотно, даже съ пренебрежимъ удовольствіемъ, брался за порученіе, и, кажется, само въ это время чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ. На сторожку—обыкновенно сторожку желѣзнодорожнаго слуга при переѣздѣ, теперь разбитомъ, съ валяющимся невдалекѣ томъ шлагбаума—Дымба началъ случайно. Въ пѣшей развѣдкѣ, да нѣбога окапывалась, онъ прощель нѣсколько дальше, чѣмъ по нужно, чуть-чуть не влѣзъ въ расположеніе нѣмцевъ и, идя кругами по лѣсу, попалъ на одинокую сторожку.

Была ночь—тусклая, холодная, съ густымъ туманомъ изморози. Неба прозябъ, промокъ и усталъ, и такъ странно, такъ неожиданно было видѣть въ эту ночь красный, прикрытый чѣмъ-то, некъ въ сторожкѣ. Офицеръ долго стоялъ въ кустахъ, глядя на него и рѣшительно не зная, чѣмъ и какъ объяснить его.

Кто тамъ, въ этомъ маленькомъ, похожемъ на игрушечный, здѣкъ, окошко котораго такъ привѣтно, такъ уютно свѣтится въ ночь ночи?

Нѣмецкій патруль, зашедшій отдохнуть и обогрѣться? Выдвинутый впередъ сторожевой постъ? Можетъ-быть, наблюдательный постъ, съ телефономъ, визирами и прочимъ?.. Одно было ясно—не могло быть русскихъ.

Дымба ушелъ, осторожно пробираясь по кустамъ и ежеминутно прислушиваясь, но капли осыпавшей на вѣткахъ изморози звенѣли деревьямъ, по мокрой землѣ—и едва онъ отошелъ нѣсколько говъ, ничего, кромѣ этого журчащаго звона, слышно не было. Добравшись назадъ, въ штабъ, легъ спать, и никому ни слова сказалъ о своемъ открытіи.

А на слѣдующій день выбралъ казака-уссурійца, смышленнаго какого же, какъ онъ самъ, молчаливо-угрюмаго парня, и опять шкомъ отправился къ сторожкѣ.

Всю ночь просидѣли они въ кустахъ, затаявъ дыханіе, боясь шевельнуться. Разъ по шоссе, въ двадцати шагахъ отъ нихъ, ошелъ нѣмецкій развѣздъ. Шли три лошади—звонко шлепали грязью копытами, а всадники переговаривались озяблыми голами. На переѣздѣ одна изъ лошадей, должно-быть, понавѣ

подковой на рельсъ, поскользнулась и чуть не упала. Сидѣвшій выругался, вытянулъ ее хлыстомъ—и по одному этому Дымба догадался, что это былъ офицеръ. Солдаты со стеками не ѣздить.

Большое искушеніе было взять ихъ въ карабины—всего трое, а казакъ забайкалецъ, сибирякъ-охотникъ, билъ пулей въ глазъ бѣлку. Но страшно было возбудить ночную тревогу, а главное,—упустить обитателей сторожки.

Уже подъ утро, когда замерзающіе, не попадающіе зубъ на зубъ, Дымба съ казакомъ хотѣли уходить къ себѣ, дверь сторожки отворилась, и оттуда вышла темная фигура. Нельзя было рассмотреть на такомъ разстояніи, по почому-то Дымба былъ увѣренъ, что вышла женщина.

Что могла дѣлать тутъ, въ брошенной, находившейся въ расположеніи непріятеля сторожкѣ, женщина? Она постояла у дверей, какъ будто прислушиваясь, и ушла опять. Дверь скрипнула за ней, потомъ слышно было, какъ съ шорохомъ задвинулся засовъ.

Весь слѣдующій день, всю ночь и еще цѣлыя сутки Дымба ломалъ голову: что за люди живутъ въ сторожкѣ, и почему тамъ женщина?

Бѣженцы, нашедшіе случайно брошенный домъ и принюхившіеся къ немъ? Но близость нѣмецкихъ позицій исключала эту мысль. Всякихъ бѣженцевъ нѣмцы давно бы вышвырнули отсюда.

Перевозочный нѣмецкій пунктъ, съ сестрой милосердія? Но близость русскихъ окоповъ не позволяетъ выдвинуть такъ глубоко ни одного пункта. Притомъ лазутчики доносили, что у нѣмцевъ идетъ за послѣднее время передвиженіе: фронтъ ихъ оттягивается направо, и сторожка такимъ образомъ остается въ той нейтральной полосѣ, которая не занята ни русскими ни нѣмцами, и по которой поочередно шпыряютъ то гѣ, то другіе развѣзды.

Единственно, что можно было предположить,—это то, что въ сторожкѣ застрялъ, изъ-за отсутствія перевозочныхъ средствъ, упустившій время сторожъ. Сидитъ со своей семьей, женой, дочкой, кѣмъ-нибудь изъ родни,—у поляковъ всегда въ домѣ есть какіе-то бѣдные родные,—и ждетъ у моря погоды, надѣясь переждать военную бурю...

Но сторожъ долженъ же чѣмъ-нибудь жить. Долженъ ѣсть, пить, освѣщать свою сторожку, значить, онъ долженъ бывать гдѣ-нибудь, въ городѣ, въ мѣстечкѣ, въ сосѣдней деревнѣ. Гдѣ онъ бываетъ? У насъ или у нихъ?

И какъ достаетъ себѣ необходимое, когда ближайшее мѣстечко, за двадцать двѣ версты, занято недѣли двѣ уже нѣмцами, а ближнія деревни или разрушены и сожжены артиллерійскимъ огнемъ, или пусты и мертвы, и даже собаки изъ нихъ разбѣжались?

Дымба ломалъ голову три дня. А когда узналъ, что правый флангъ нѣмцевъ отодвинулся версты на четыре отъ сторожки, доложилъ о вѣсѣхъ своихъ соображеніяхъ бригадному и отправился съ семью казаками обследовать сторожку.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Раненые в костель в Балешань (Галиция).

Поручикъ Лессингъ.

Разсказъ А. Е. Зарина.

I.

Кто не знаетъ поручика Лессинга? Въ полку, гдѣ онъ служилъ, отъ кашевара до самого командира каждый гордится своимъ поручикомъ. Близко знаетъ его бригадный генералъ, знаетъ дивизионный и корпусный, командующій арміей, и, вѣроятно, имя его произносилось и въ главной квартирѣ Главнокомандующаго. Всего полгода войны, и за это короткое время призванный на службу прапорщикомъ изъ запаса, Лессингъ сталъ поручикомъ и получилъ всѣ боевыя отличія: Георгія, золотое оружіе, Станислава, Анну и Владиміра съ мечами, и, кажется, больше награждать его уже нечѣмъ.

И при этомъ совѣтъ не военный. Сынъ эстонскаго крестьянина, онъ учился на мѣдные гроши, окончилъ гимназію, потомъ рижскій политехникумъ, послѣ дополнилъ образование въ Германіи и вернулся въ Россію инженеромъ, специалистомъ по постройкѣ всякихъ печей. Строилъ онъ и доменные печи, и муфельныя, и гофманскія, а когда была объявлена война, былъ взятъ прапорщикомъ запаса и въ короткое

Охрана моста.

ческаго цѣтъ ни въ лицѣ его ни въ фигурѣ. Пріѣдетъ въ Варшаву, и сидитъ ли онъ въ цукернѣ, куря толстую кручонку, или зайдетъ въ кинематографъ и, какъ сумасшедшій, хохочетъ надъ какой-нибудь забавной картиной, — кажется онъ самымъ зауряднымъ армейскимъ офицеромъ. Сѣрая шинель, подъ которой простой овчинный тулупъ, на кожаномъ поясѣ шашка, руки заштырованы въ карманы, самъ невысокаго роста. Ясные, свѣтлые, голубые глаза, чистое лицо съ маленькими черными усами, которые торчатся, какъ у таракана, и рѣдкая бородка.

Одно только въ немъ примѣчательно, это — его сила. Возьметъ желѣзную кочергу и свернетъ ее узломъ, словно оловянную ложку, сожметъ между пальцами кусковъ шесть пиленаго сахара и раздавитъ ихъ въ порошокъ, но эти фокусы онъ показывалъ только въ тѣсной товарищеской компаніи.

Неприятельская мортира, разорванная бомбой. Отъ ствола осталось нѣсколько частей. На переднемъ планѣ дуловая часть и затворъ. Колеса превращены въ щепы.

время сталъ чуть не сказочнымъ героемъ, безумнымъ по отвагѣ и по неустойчивой ненависти къ нѣмцамъ. Солдаты были увѣрены, что онъ заговоренный, а среди молодыхъ офицеровъ создалось двѣ легенды: по одной, Лессингъ, обманутый женщиной, ищетъ смерти; по другой, Лессингъ проникнуть беспощадной жаждой мести въ нѣмцамъ за униженія и обиды, которыя испытала его семья и испытываютъ эстонцы подъ гнетомъ остзейскихъ бароновъ.

Такъ или иначе, а поручикъ Лессингъ являлся столь необыкновенной личностью, которую едва ли можетъ создать самое пылкое воображеніе романиста. Ни у Густава Эмара, ни у Купера, ни у Майнъ-Рида не встрѣтить такого героя. Въ нашу первую отечественную войну у насъ былъ партизанъ Фигнеръ, и, пожалуй, поручикъ Лессингъ нѣсколько напоминаетъ того достопамятнаго героя, не знавшаго страха и пощады къ врагу.

Помогаетъ, на него — и ничего героиче-

Устроенная нѣмцами баррикада, захваченная нашими войсками.

ученикъ рядовой Каспійскаго полка Алексѣй Макуха, спасенный отъ звѣрства австрійцевъ, взявшихъ его въ плѣнъ во время боя за отказъ сообщить расположеніе нашихъ войскъ ему сжалились надъ нимъ и раздвинули зубы и разорвали языкъ. Съ большимъ трудомъ перемычкѣмъ языкъ Макуха умудрился сбѣжать изъ плѣна и вернуться къ своимъ войскамъ. Въ настоящее время онъ находится на излѣченіи въ госпиталѣ въ городѣ Тарнополь. Онъ помѣщенъ на койку имени петроградскаго благотворительнаго комитета. Въ состояніи его здоровья наступило значительное улучшение. Рана, нанесенная на три четверти толщины языка, почти уже срослась, и врачи признали возможнымъ снять шовные швы, наложенные на языкъ. Медицинскій персоналъ, заботясь о выздоровленіи Макухи, выражаетъ надежду, что герой не утратитъ дара рѣчи. Однако полное зарубцеваніе раны едва ли наступитъ скоро. На нашемъ снимкѣ Алексѣй Макуха изображенъ въ моментъ выѣзда съ ухаживающей за нимъ сестрой милосердія.

къ тому, что имъ при-обитыми атаками брать параллельныхъ позицій до рѣки, пока они не уткнулись въ рѣку Сань. Здѣсь они окончательно пріостановились.

Вотъ можно видѣть, что планъ Макензена свелась съ самаго начала къ весьма ничтожному результату, а именно къ тому, что рѣка Дунайца дошла до Сана. Такъ какъ нашей оборонительной линіей является именно рѣка Сань, а Дунайца, какъ слабая и тонкая рѣчка, является лишь вспомогательной линіей, то наше положеніе послѣ этой операціи не только не поколебалось, но наоборотъ, наши войска, до сихъ поръ растянутыми на линіи Карпаты, сжались въ короткомъ фронтѣ. Тотъ фронтъ, который заняли наши войска съ отходомъ на рѣку Сань, является самой западной линіей Карпаты, верста на югъ отъ прежняго фронта. Войска наши стали плотнѣе, а ихъ расположеніе ихъ стало устойчивѣе.

Отходомъ къ рѣкѣ Сану началась первая операція Макензена, и онъ немедленно при-

ступилъ ко второй. Вотъ эта вторая операція представлялась гораздо болѣе значительной, и здѣсь уже успѣхъ или неуспѣхъ могъ имѣть весьма большое значеніе. Операція эта, на первый взглядъ очень простая, заключалась въ попыткѣ Макензена переправиться черезъ рѣку Сань.

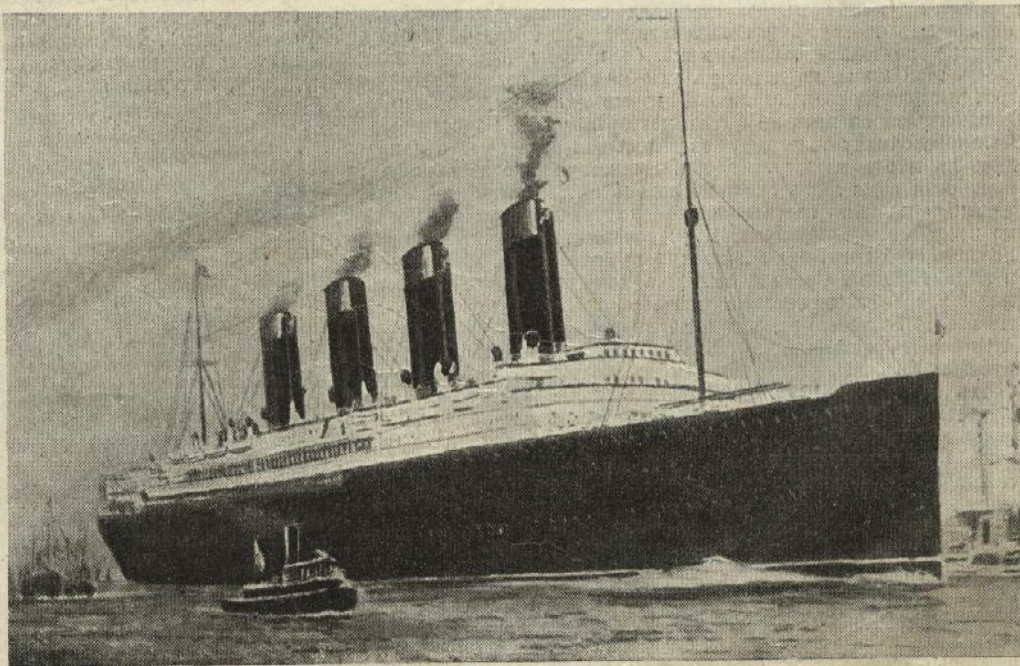
Однако малозначащее на первый взглядъ слово „Сань“ на самомъ дѣлѣ означаетъ довольно много, ибо рѣка Сань составляетъ притокъ праваго берега рѣки Вислы. Вся сущность въ томъ, что рѣка Сань—притокъ не лѣваго берега, а праваго, и слѣдовательно, съ переходомъ черезъ рѣку Сань нѣмцы стремились оказаться на томъ правомъ берегу Вислы, который имъ не давался съ самаго начала войны.

Мы уже отмѣчали, что нѣмцы три раза наступали къ Вислѣ и три раза не могли продвинуться даже къ лѣваго берега, не могли перескочить Вислу съ лѣваго берега на правый. Значеніе Сана въ томъ и заключалось, что переходъ черезъ него долженъ былъ означать появленіе нѣмцевъ на этомъ самомъ правомъ берегу Вислы, т.е. начало занятія обоимъ берегамъ Вислы, къ чему такъ настойчиво стремился германская стратегія съ октября мѣсяца.

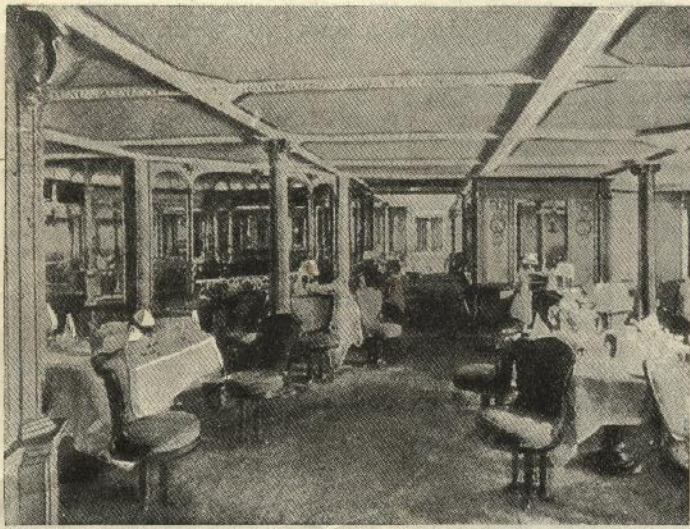
Конечно, это задача не легкая и до сихъ поръ ни разу не удавалась нашимъ противникамъ, хотя они подходили къ Сану уже три раза. Въ данномъ случаѣ эта задача приобрѣла большее значеніе лишь потому, что, какъ видно изъ официальныхъ сообщеній отъ 3-го мая, нѣмцы начали съ начала апрѣля перевозить массами войска съ французскаго фронта въ Западную Галицію. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ операція предпринималась болѣе крупными силами, чѣмъ раньше. Нѣмцы впервые двинули столь значительныя силы своихъ войскъ въ Западную Галицію.

Необходимо еще упомянуть, что одновременно съ продвиженіемъ Макензена къ рѣкѣ Сану, рядомъ съ нимъ, въ сосѣдней Кѣлецкой губерніи, продвинулся германскій участокъ, перемѣстившійся черезъ рѣку Ниду и городъ Кѣльцы. Эти германскія войска, какъ находившіяся на лѣвомъ берегу Вислы, несомнѣнно должны были уткнуться въ Вислу. Очевидно, Макензенъ, наступавшій по правому берегу Вислы, долженъ былъ, по плану нѣмцевъ, облегчить своимъ сосѣдямъ въ Кѣлецкой губерніи форсированіе оборонительной линіи Вислы.

Планъ этотъ грандіозный, но, конечно, весьма трудно выполнимый, ибо задаваться планомъ овладѣнія Вислой, конечно, нетрудно теоретически. Однако этотъ планъ неминуемо долженъ встрѣтить энергичное противодействіе, ибо до сихъ поръ переходъ нѣмцевъ черезъ Вислу не допускался, какъ слишкомъ серьезная попытка, равносильная стремленію захватить Варшаву и скомпрометировать наше стратегическое положеніе въ Галиціи. Но, конечно, имѣть планъ еще далеко не значитъ его выполнить, и предсказывать его результаты такъ же невозможно, какъ предсказывать результаты любой игры въ самомъ ея началѣ. Можно лишь предполагать, что эта операція займетъ долгое время и, повидимому, выльется въ большое сраженіе по всему фронту отъ Балтійскаго моря до Румыніи, при чемъ это сраженіе можетъ оказаться однимъ изъ наиболѣе важныхъ сраженій нынѣшней войны.

Англійскій пассажирскій пароходъ „Лузитанія“, погибшій отъ германской мины, пущенной въ него съ подводной лодки. „Лузитанія“—одинъ изъ крупнѣйшихъ пароходовъ въ мірѣ, принадлежавшій англійской компаніи „Cunard-Line“, совершалъ рейсы между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ.

„Лузитанія“. Столовая.

Гибель „Лузитанія“.

(Съ 3 рис. на стр. 383 и 384).

24-го апрѣля близъ береговъ Ирландіи погибъ отъ германскаго разбойничьяго нападенія громаднѣйшій англійскій пассажирскій пароходъ компаніи „Сunard-Line“, „Лузитанія“.

Эта трагедія, повлекшая за собою гибель свыше 1.500 мирныхъ людей, дѣтей и женщинъ, являетъ собою вѣчто неслыханное до сихъ поръ по варварству и жестокости. Нѣмцы заранее рѣшили потопить мирный пассажирскій пароходъ, только потому, что это былъ пароходъ англійскій. Съ своеобразнымъ цинизмомъ они предупреждали американскихъ гражданъ (пароходъ шелъ изъ Нью-Йорка въ Европу) не садиться на „обреченный“ пароходъ. Американцы-пассажиры „Лузитанія“ получили на борту парохода телеграммы анонимнаго характера съ предостереженіями. Мало того, германскій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Бернсдорфъ, помѣстилъ въ газетахъ подобнаго же рода предупрежденіе. Американцы отвѣтили на эти анонимныя и полу-анонимныя предостереженія холоднымъ равнодушіемъ. Извѣстный милліардеръ Вандербилдтъ, бывшій въ числѣ пассажировъ, демонстративно разорвалъ полученную предупредительную телеграмму и выбросилъ ее за бортъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что нѣмцы дерзнутъ потопить совершенно мирный пароходъ, на которомъ не было ни военныхъ ни контрабандныхъ грузовъ, ни войскъ.

Тѣмъ не менѣе нѣмцы сдержали свое злобщее обещаніе: по словамъ очевидца, въ „Лузитанію“ была среди бѣлаго дня пущена подводной лодкой мина. Съ палубы видѣли пѣнистый слѣдъ этой мины, но пароходъ уже не имѣлъ возможности увернуться. Послѣдовалъ страшный взрывъ, послѣ чего пароходъ продержался на водѣ не болѣе четверти часа. Извѣщенныя по безпроводному телеграфу спасательныя суда быстро направились къ мѣсту катастрофы изъ Квинстоуна, но застали на поверхности воды лишь около 20 лодокъ съ „Лузитанію“ съ спасавшимися на нихъ пассажирами злополучнаго парохода. Погибло, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, 1.242 пассажира, не считая команды. Большинство погибшихъ пассажировъ англичане; много погибло и американцевъ. Среди послѣднихъ, какъ полагаютъ, — извѣстный милліардеръ Вандербилдтъ. Спаслось около 900 человекъ. Многие изъ нихъ тяжело ранены и изувѣчены.

Стоимость погибшей „Лузитанія“ превышала 20 милліоновъ рублей. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ трансатлантическихъ пароходовъ, предшественникъ знаменитаго „Титаника“. „Лузитанія“ имѣла въ длину 790 футовъ, въ ширину 88. Ея водоизмѣненіе равнялось 32.000 тоннъ, машина развивала 68.000 силъ. На пароходѣ имѣлись роскошныя помѣщенія для 500 пассажировъ 1-го класса: громадная столовая въ два этажа, нѣсколько гостиныхъ, музыкальный салонъ, курительная, открытое кафе въ мавританскомъ стилѣ (на самой верхней палубѣ) и даже отдѣльная „дѣтская комната“. Почти такой же роскошной 2-й классъ вмѣщала равнымъ образомъ 500 пассажировъ. Въ 3-мъ классѣ, рассчитанномъ на 1.300 человекъ, имѣлись отдѣльныя каюты, прилично и комфортабельно обставленныя, курительный салонъ и громадная столовая съ пианино. Даже „между-палубные“ пассажиры (свыше 800) имѣли на „Лузитанію“ недурное помѣщеніе, хорошо отопляемое и вентилируемое, съ отдѣльными каютами для мужчинъ и женщинъ и даже съ распределеніемъ по національностямъ. „Лузитанія“ славилась своимъ ходомъ: весь путь отъ Нью-Йорка до Ливерпуля она совершала въ пять сутокъ.

Даже нѣкоторыя мелкія данныя могутъ дать понятіе о чинѣ погибшаго парохода: такъ, на немъ было 5.000 электрскихъ лампочекъ и къ нимъ около 200 миль проводовъ. Емтереснѣе сравнительныя данныя, по которымъ англичане дадаютъ иностранцамъ понятіе о размѣрахъ „Лузитанія“. Въ священнѣхъ этому пароходу книжкахъ и проспектахъ „Лузитанія“ вмѣстѣ со своей „сестрой“ „Мавританіей“ неизбѣжно ражались въ сравненіи съ различными громадныи строениями, мостами. „Лузитанія“ вздымалась по волѣ художника на ребра пирамиды Хеопса и оказывалась буквально „препирамидъ“. Другой художникъ затискивалъ „Лузитанію“ въ роковую улицу Northumberland-Avenue въ Лондонѣ, и „Лузитанія“ помѣщалась между домами, превышая восьми и девятиэтажные дома своимъ массивнымъ туловищемъ. На площади св. Петра въ Римѣ „Лузитанія“ совершенно не вмѣщалась, а съ трубомъ ходила до купола этого громаднаго собора, мачты же превышали его. Колизей въ сравненіи съ „Лузитаніей“ очень и очень игрывалъ въ своихъ размѣрахъ.

Погибшій гигантъ числился въ спискахъ вспомогательныхъ крейсеровъ англійскаго флота, но британское адмиралтейство предпочло не пользоваться своимъ правомъ и оставило „Лузитанію“ въ распоряженіи пароходной компаніи для поддержки мирныхъ рейсовъ между Старымъ и Новымъ свѣтомъ.

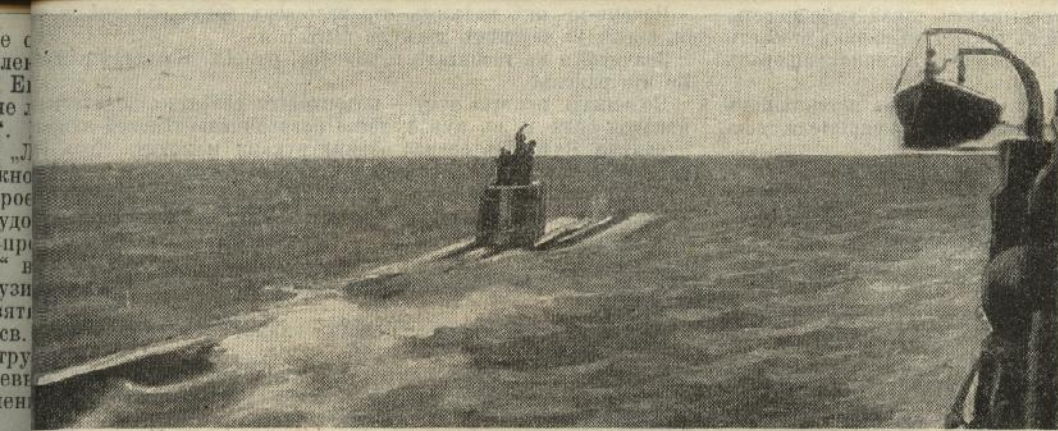
Гибель „Лузитанія“ вызвала взрывъ негодованія во всѣхъ культурномъ мѣрѣ. Въ Англии немедленно послѣ катастрофы „Лузитаніей“ начались зростныя погромы нѣмецкихъ магазиновъ и предпріятій, и стали раздаваться требованія полного освобожденія страны отъ оставшихся еще въ ней нѣмцевъ, наименьшей страстностью отозвались и нейтральные Соединенные Штаты. Гибель множества американскихъ гражданъ вызвала рядъ манифестацій въ Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ; бывшій президентъ Рузвельтъ открыто заявилъ, что случай съ „Лузитаніей“ является неслыханнымъ злодѣяніемъ. „Подобныя дѣла“ сказалъ Рузвельтъ: — не могутъ разсматриваться иначе, какъ явное пиратство. Потопленіе „Лузитанія“ представляеть собою неслыханное пиратство, сопровождающееся такимъ массовымъ убійствомъ, къ какому никогда не прибѣгали никакіе пираты прежнихъ временъ. Это одинъ изъ тѣхъ способовъ войны, которыми были разрушены Лувенъ и Динанъ и умерщвлены тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ Бельгии. Это — война противъ въ чемъ неповинныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, перебитыхъ океаномъ“.

Въ настоящее время Штаты предъявили Германіи энергичную ноту, справедливо указывая на то, что германскія „упрежденія“ не могутъ считаться смягчающимъ обстоятельствомъ и преступленіе, совершенное преступникомъ, ничуть не лишаетъ своего смысла и значенія, хотя бы преступникъ предостереженно и предупреждалъ свою жертву, что зарѣжетъ ее.

Въ другихъ нейтральныхъ государствахъ: Швеція, Швейцарія, Румынія и пр. гибель „Лузитанія“ единогласно разсматривается какъ злодѣяніе и безпримѣрный въ исторіи цинизмъ. Характерно то обстоятельство, что „Лузитанія“ была потоплена нѣмцами въ дни 500-лѣтняго юбилея Гогендоллернговъ. А еще характернѣе „цѣна крови“, за каковую цѣну „Лузитанія“ была потоплена согласно нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, за потопленіе этого парохода была назначена крупная премія. Нѣмецкія подводныя лодки соотязались въ ловкости и бдительности, уповая получить премію, и въ результатѣ одной изъ нихъ и удалось получить деньги, пахнущія кровью тысячи людей.

„Лузитанія“. Курительная.

лось занимать. Придут и лягут костями, мертвые бо сраму не имеют. Они идут (это относилось к неприятелю) с целью оказать препятствие разворачиванию нашего фронта, да плохо работают: не позаботились узнать о нашем полке: так вот мы теперь сами сообщим им о своем пребывании. На всякий случай снимите несколько зарядных ящиков, хотя думаю, что достаточно будет и своих патронов, потому что стрелять будем близко. К вечеру нужно со всем этим управиться; но воевать будем здесь, а утром весь корпус должен соединиться и быть во

Борьба с германскими пиратами. Экипаж тонущей подводной германской лодки U-8 подает сигналы о помощи разстрелявшему лодку английскому миноносцу.

Теперь слушайте внимательно; повторять не надо. Дело в следующем: командир дивизиона роты?

— Здесь, г. полковник.

— Сейчас же с ротой идите к обозу; направляйте его поглубже в лес. За обоз отступаете вы. Поняли?

— Так точно, г. полковник.

— Идите и делайте. Без задержки.

Командир всегда говорил кратко, ясно и четко. Повторяться не любил, и только фраза "дело в следующем" составляла малюнькое исключение.

— Пулеметную роту разбить надвое — и оставить направо и налево! Уголь пересечения линий прицела должен быть прямой. Вы слышите, капитан?

Этот вопрос относился к ротному пулеметной роты.

— Так точно, г. полковник.

— Идите и делайте. Без задержки. Команду слушайте! Седьмую и одиннадцатую сейчас же вонь к тому оврагу. Не стрелять дальше двухсот. Слышите?

Командиры козырнули и отправились к своим ротам.

— Теперь дело в следующем: такой позиции, как настоящая, мы еще не приходи-

Захват германской шхуны английским крейсером в Северном море.

фронт. Пока солдаты могут покурить, погреться сухарей. Да, кстати: австрияки здесь дома, провиант у них должен быть хороший, так вы, поручик, по примеру прошлых лет, обратите внимание на неприятельский обоз.

— Слушаю, г. полковник.

Поручик и полковник были вместе еще в японскую войну; оба закаленные в боях и знатоки своего дела.

— Санитары, к ротам!

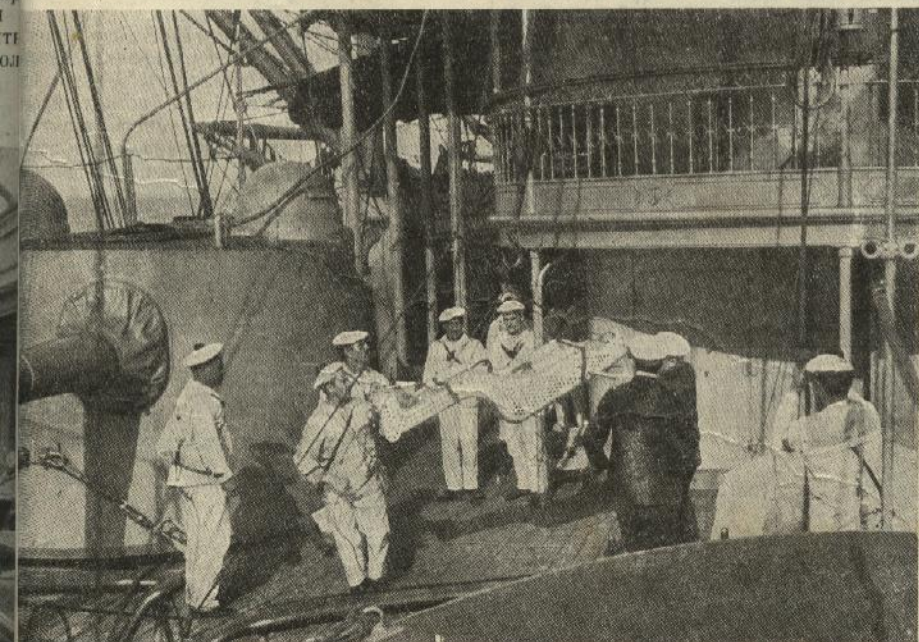
Отдав краткия, но точныя и ясныя приказания, полковник въ заключение ска-зает:

— Теперь, господа, дело в следующем: сегодня дойдет до штыка; у них два эскадрона кавалерии, которые они направили на наших драгун, так что дело нам придется иметь с пехотой. Артиллерия следует сзади. Наша бригада запоздает. Обратите на это внимание. А теперь на места! Постойте за честь полка, за Царя и отечество! Съ Богом! По местам!

Всё заняли места.

— Эй, скопской, хотеть знамя-то взять, вот ваяй сегодня! — говорил Корнев.

— Ладно, — добродушно ответил Опаринь.

На английском броненосце. Матроса, раненого на башне, спускают вниз при помощи особенного подвешного механического кресла.

Австрийцы обращаются къ германцамъ:

Не пойте намъ пѣсно о ненависти,
Для насъ это ненавистная пѣсня.
Она душѣ австрийца чужда.
Мы сражаемся не ради ненависти,
Но противъ ненависти, противъ коварства и

жадности (?),
Которыя весь мѣръ превратили въ пожарище.
Для этого намъ нужна чистая совѣсть,
Намъ нужно чистое сердце.
Будемъ же дѣлать въ себѣ
То состраданіе къ ближнему, что обнаружили

наши солдаты,
Когда они отдавали свой хлѣбъ умирающему съ
голода врагу (?),

Это состраданіе необходимо и намъ,
Ибо наши дѣти страдаютъ, страдаютъ наши
старцы и женщины.
Не отравляйте же ненавистью ибжныя души дѣтей,
Не отравляйте ихъ низкой жадной мести,
Вѣдь мы ради нашихъ дѣтей и сражаемся,
Ради молодыхъ поколѣній.
Кто съѣтъ ненависть, тотъ ее и поженетъ,
Намъ же нуженъ миръ всего міра,
И да ниспошлетъ его намъ Господь поскорѣе.

Жаль, что австрийцы не обнаружили столь воз-
вышенныхъ христіанскихъ чувствъ до карательной
экспедиціи въ Бѣлградъ.

Конечно, пруссаки не вняли этому призыву
своихъ „миролюбивыхъ“ союзниковъ и, какъ сообщаетъ француз-
ская пресса, ввели даже въ солдатскіе окопы свою молитву о
побѣдѣ Англии. Въ журналѣ „L'Illustration“ обнаружено такое
письмо одного нѣмецкаго офицера: „Въ моемъ корпусѣ всѣ офи-
церы и нижніе чины замѣнили обычныя привѣтствія словами:
„Боже, накажи Англію!“ и „Накажи ее, Боже!“

Какъ непохожи всѣ эти пѣсни проклятій, гимны ненависти,
гимны злобы, на произведение такого же рода, написанное рус-
скимъ мужикомъ.

Съ виду это тотъ же гимнъ ненависти, какъ ясно ужь изъ
самаго названія: „Анаѣема Вильгельму Гордому“, но на дѣлѣ это —
гимнъ любви.

Авторъ не только не питаетъ вражды ко всему народу нѣ-
мецкому, но именно о немъ-то и хлопочетъ, мечтаетъ его спасти,
сбѣжить, предостеречь его отъ той неминуемой бѣдѣ, куда его
влечетъ Вильгельмъ, Братъ Сатаны, Царь-Анаѣема.

Онъ, крестьянинъ села Иванова Московской губерніи, затѣялъ
открыть наконецъ глаза ослѣпленной Нѣмецкой Націи. Онъ
увѣренъ, что стѣитъ только нѣмцамъ прочесть его „Анаѣему
Вильгельму Антихристу“, какъ всѣ они тотчасъ поймутъ, у кого
они оказались въ когтяхъ, раскуются, переродятся и спасутся.
„Ваше Высочоблагородіе Екатерина Николаевна! — пишеть
онъ своей знакомой барынѣ. — Прилагаемый листъ обращеніе

У Дарданеллъ. Доставка мяса на французскую эскадру.

къ Вильгельму Жестокосердому перепишите на нѣмецкій языкъ,
и нельзя ли послать его народу (нѣмецкому)? Пора имъ понять,
куда ихъ влечетъ гордый умъ. Спасая другихъ, самъ спасенъ.
Вы сами лично счастливая, васъ избавилъ Богъ; дайте же хоть
согую долю другимъ утѣшенія, укажите ужасъ, который можетъ
увеличиться. Люди не видятъ, и вотъ уничтожаютъ себя, какъ
иногда басня Крылова. Безумцы! Хотѣли камнями боговъ побить,
а на дѣлѣ камни на нихъ летѣли и ихъ самихъ били. Такъ и
теперь. Какъ будто варваръ бьетъ другихъ, а на дѣлѣ уничто-
жаетъ самъ себя“...

Крестьянинъ села Иванова пожалѣлъ слѣпыхъ, погибающихъ
„варваровъ“. Къ самымъ жестокимъ врагамъ-супостатамъ у него
нашлося состраданіе. Онъ бы въ домѣ своемъ ни за что не по-
вѣсилъ таблички: „Gott strafe Deutschland!“ У него лозунгъ другой:
„Боже, спаси Германію, верни ей разумъ, просвѣти ея очи!“ Не-
нависть къ народамъ и странамъ ему совершенно чужда. Все
свое негодованіе онъ устремилъ на Вильгельма, котораго считаетъ
единственнымъ зачинателемъ бѣдъ. Здѣсь такая возвышенность
чувствъ, что многіе доморожденные наши Лиссауэры будутъ ею
присыжены и сконфужены.

И когда знаешь ту великолѣпную, истинно-христіанскую цѣль,
ради которой написана эта „Анаѣема“, то уже не пугаешься ея нароч-
итой свѣрхности. Вотъ она въ наиболѣ яркихъ ея выраженіяхъ:
„Анаѣема, Анаѣема Вильгельму Гордому! Поднявшій мечъ отъ меча
и погибнетъ! Вильгельмъ-царь, братъ
Сатаны! Царь Варваровъ! Зачѣмъ ты
влечешь свой народъ на погибель?..
Жестокосердый Царь! мало тебѣ было,
что твоя страна была въ цвѣтушемъ
положеніи, мало тебѣ было, что твой
народъ богатъ; нѣтъ, ты взялъ
гордость Сатаны: „нѣтъ Бога, а я
самъ буду богъ, буду управлять всѣмъ
міромъ!“ На это я тебѣ, простоду-
шнѣе отвѣчаю: да будь ты сверженъ, какъ
твой покровитель Сатана, — который
радуется твоимъ дѣяніямъ. Рѣки слезъ,
милліоны смертей, милліоны страда-
ній, милліоны терзаній. — все дѣлаю
рукъ твоихъ! За все это будь ты
проклятъ со всѣми твоими едино-
мысленниками и создателями Ад-
скаго мученія всѣмъ живущимъ на
землѣ. Проклятъ анаѣема и чады
твой искоренены до конца, и каждый
день тебѣ и чадамъ твоимъ — прокля-
тіе! Лжецъ! Ты карать Россію, теперь
жди ея кары, какъ кары Божьей“.

И подписано: Душа Русекаво Чи-
ловѣка.

Душа эта не слишкомъ-то грамат-
ная: что ни слово, то орфографиче-
скій перлъ, — но, я думаю, это душа
неплохая, это душа превосходная:
вѣдь даже гимнъ злобы и ненависти
вызванъ у нея чувствомъ любви.

Адмиралъ Гепраттъ, командующій французской эскадрой въ Дарданеллахъ.

Турецкая артиллерія.

Шутка.

Разсказъ М. Доманскаго.

— А я тебѣ говорю, что ты шпионъ! Если ты не шпионъ, зачѣмъ ты сдѣлалъ этотъ списокъ нашихъ полковъ съ отбѣтками времени пребыванія ихъ въ этой деревушкѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Конечно, ты шпионъ!

Безумный, съ пѣжно-розовымъ выхолощеннымъ лицомъ, лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ полулежитъ на стулѣ, вытянувъ длинныя ноги, похлопываетъ по ботфортамъ хлыстомъ и, сощурившись, хитро смотритъ на худого, сутулаго еврея Лейзера.

Лейзеру трудно говорить. Холодный ужасъ, страхъ передъ чѣмъ-то близкимъ, неизбежнымъ, давно уже вошелъ въ его душу, голову, ноги, во все его тѣло и сжимаетъ ему горло. Даже небольшая желтая борода Лейзера вздрагиваетъ отъ страха. Однако онъ собирается съ силами и снова повторяетъ:

— Господинъ офицеръ! Господинъ офицеръ! Повѣрьте мнѣ. Я не шпионъ. Видите Богъ, я не шпионъ. Я бѣдный еврей. Но я честный человекъ.

— Ха-ха-ха! Честный человекъ. А зачѣмъ же ты сдѣлалъ этотъ списокъ?

— Господинъ офицеръ! Я же вамъ говорю. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ наши войска стоятъ въ деревнѣ. Раньше ѣздилъ въ Варшаву за товаромъ. Немножко торговалъ. Немножко зарабатывалъ, чтобы прокормить себя, свою жену и своего ребенка. Только-только, чтобы не умереть съ голоду. Но я же говорю, третій мѣсяцъ нѣмецкія войска стоятъ здѣсь. Я не могу ѣхать въ Варшаву за товаромъ. А нужно жить. Нужно кушать. Такъ я продавалъ говядину господамъ нѣмецкимъ офицерамъ. Мнѣ заплатили. Я-Богу, заплатили! Но не сразу. Я шисывалъ. А потомъ приходилъ и получалъ свои деньги. Такъ это — бумага, на которой я записывалъ. Идите Богъ, я говорю правду. Господинъ офицеръ можетъ спросить кого угодно. Какой я шпионъ!

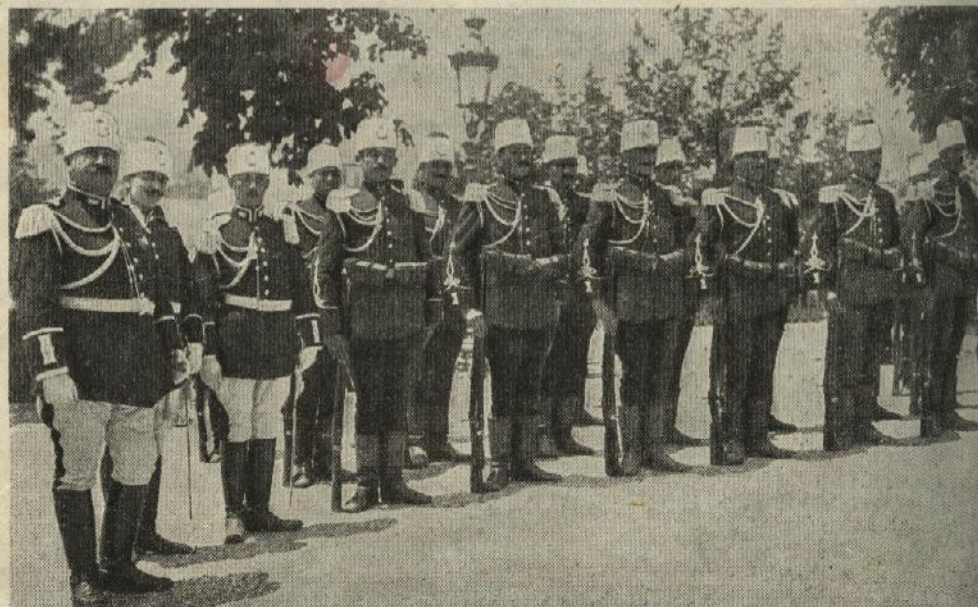
Лейтенантъ чувствовалъ, что еврей говоритъ правду.

Но вѣдь такая скука, такая тоска. Штабы дивизіи всегда стоятъ въ аленькихъ, скверныхъ деревушкахъ. Фонъ-Кранцъ невольно пореулся къ окну. Въѣто улицы — широкая полоса шоколадно-бурой грязи съ громадными лужами. Дальше сѣрыя лачуги, намокшія, угрюмыя, насушившіяся. А за лачугами окія же сѣрыя, мокрая, угрюмая оля.

Такъ скучно. Такъ хочется раздѣчься. Онъ и развлекается. Вѣдь въ только шутить, только играть съ евреемъ. Потомъ въ Берлинѣ онъ

Турецкій морской министръ Джемаль-паша.

Турецкая гвардія.

прятаемъ, и все будутъ смѣяться. Нѣтъ, нѣтъ, конечно, ты шпионъ! Тебя нужно повѣсить! — снова смотреть лейтенантъ на Лейзера и вдругъ слышитъ за дверью какой-то шумъ; кто-то плачетъ, стонетъ.

— Кто тамъ? — обращается онъ къ молодцовато-вытанувшемуся у двери вѣстовому Линке.

Тотъ исчезаетъ и черезъ минуту возвращается.

— Еврейка, его жена. Пришла, плачетъ, желаетъ васъ видѣть.

— Пускай пойдетъ!

Врывается всклокоченная, въ лохмотьяхъ. На лицѣ ярко написанъ животный ужасъ. Глаза совсѣмъ безумныя. Падастъ на полъ и хватается офицера за ноги. И Лейзеръ вдругъ падаетъ.

Ха-ха-ха! Вотъ смѣльные! Обнимаютъ и цѣлуютъ грязные сапоги. Какъ горячо цѣлуютъ. Это прекурьезно. Это, наконецъ, весело. Въ Берлинѣ будутъ страшно смѣяться, когда онъ разскажетъ.

А что, если дернуть ногой? Вотъ такъ. — Комокъ грязи присталъ къ лицу еврея.

О чемъ они говорятъ? Просить... Плачуть... Бѣдные! Но такъ не хочется кончать шутку. Онъ, лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ, тоже бѣдный. Тетя фонъ-Люттихъ хлопотала, чтобы его назначили въ штабъ арміи. О, тамъ совсѣмъ другое дѣло. Тамъ весело. Обѣдали, а потомъ назначили сюда, въ штабъ дивизіи.

У еврейки на лѣвой ногѣ совершенно отваливается подметка. Видны пальцы. И вода оттуда течетъ, грязная, желтая. Несчастныя! Можно будетъ дать имъ пятьдесятъ пфениговъ, даже марку. Но потомъ, потомъ. А сейчасъ, право же, это очень весело. Боже, какъ они перепуганы!

— Ихъ превосходительство начальникъ дивизіи просить г. лейтенанта!

— Сію минуту! Линке, выкинуть ихъ отсюда на дворъ. Обоихъ. Пока довольно. Еврея сторожить. Помни!

— Слушаю, г. лейтенантъ.

У начальника дивизіи сидѣлъ начальникъ штаба. Говорили долго. Очень долго. Сначала о службѣ, потомъ о Берлинѣ. Потомъ обѣдали. Обѣдали тоже долго. Пили кофе, курили сигары. После обѣда, когда по полямъ палыи уже раннія сумеречныя тѣни, лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ вышелъ на крыльцо.

...привык к крыльцу, опершись на привычные железные перила. И пока, прижавшись друг к другу, стояли два скрючившийся от холода, измокшие фигуры.

Увидев офицера, еврей и еврейка снова бросились к его ногам. Снова прижимались к сапогам лицами, снова цѣловали грязные сапоги. И снова просили о чем-то. Безвязно, жалобно, по-дѣтски.

— Боже мой! Все одно и то же. Вѣдь это, наконецъ, скучно. Нужно придумать что-нибудь особенное.

— Подождите здѣсь минуту! — приказалъ лейтенантъ.

Вошелъ къ себѣ въ комнату и позвалъ вѣстового Линке.

— Найди веревку. Выйдемъ во дворъ. Я прочту бумагу. Тогда возьми съ кѣмъ-нибудь изъ вѣстовыхъ еврея и веди его въ сарай. Какъ будто вѣшать. Понимаешь?

— Такъ точно, г. лейтенантъ! Понимаю! — широко улыбнулся солдатъ.

— Иди, ищи веревку!

Черезъ минуту лейтенантъ снова вышелъ на крыльцо съ бумагой въ рукахъ. За нимъ вышелъ Линке съ веревкой.

Длая видъ, что читаетъ по-писанному, фонъ-Кранцъ прочелъ якобы приказъ начальника дивизии о томъ, что еврей Лейзеръ вѣснѣйшій за шпионажъ въ пользу русскихъ приговаривается къ вѣщенію.

— Веди его! — повернулся лейтенантъ къ вѣстовому Линке, скрывая и пряча бумагу.

Два дюжихъ солдата подхватили еврея подъ руки и повели къ стоявшему въ глубинѣ двора сараю. Несмотря на сумерки, видно было, какъ страшно побѣлѣло лицо Лейзера. Онъ не кричалъ, не стоналъ, не плакалъ. Онъ сразу обезсилѣлъ. Ноги его, судя по подпрыгиванію, водочились по грязи.

А еврейка стояла безъ движенія, не моргая даже глазами.

— Гони ее отсюда! — повернулся лейтенантъ къ одному изъ солдатъ, толпившихся у крыльца.

Солдатъ грубо схватилъ женщину за плечо, приволокъ къ воротамъ, толкнулъ и быстро заперъ ворота.

Еврейка очнулась. Отгнулась назадъ, зачѣмъ-то слабо толкнула ворота и вдругъ пронзительно завизжала. Завизжала со всѣмъ нечеловѣческимъ голосомъ, а какъ-то особенно, по-звѣриному. Повернулась и пошла. Пошла съ тѣмъ же звѣринымъ крикомъ, не глядя подъ ноги, бутыхаясь въ лужи. Мотнула руки на голову, растрепала волосы, вырывала ихъ пальцами.

Жители деревни съ ужасомъ смотрѣли на еврейку изъ-за полуоткрытыхъ дверей, изъ-за угловъ избъ. Вѣсть о томъ, что Лейзера доймали и обвиняютъ въ шпионствѣ, прошла уже по деревнѣ. Боже сохрани подойти теперь къ Ривкѣ. Схватятъ, скажутъ, что соучастники, и тоже повѣсятъ. Развѣ у пѣмцевъ это было?

Ривка шла, съ непонятной легкостью вытаскивая ноги изъ гудящихъ грязей, рвала на себѣ волосы и визжала. Въ головѣ у нея прыгали обрывки какихъ-то мыслей, а передъ глазами прыгали топы знакомой деревеньки. Узкая, золотисто-красная полоска неба казалась ей страшнымъ багровымъ заревомъ, охватившимъ полъ-неба. Еврейка смотрѣла на это зарево, и глаза и пирились отъ ужаса: уродливымъ, чудовищнымъ пятномъ вырисовывалось на этомъ яркомъ фонѣ длинное висящее тѣло.

Турецкіе кавалерійскіе офицеры.

— Что это? Великій Богъ! Вѣдь это Лейзеръ... Ея Лейзеръ. Ея мужъ... Отецъ ея ребенка... Домой! Скорѣе домой!

Еще быстрѣе замелькали въ глазахъ избы.

Она бѣжитъ. Но ей почему-то кажется, что она стоитъ на вершинѣ высокой горы. Позади остался долгій путь гнѣхъ дней тяжелой жизни, сѣрой, полуголодной. А вперёдъ, подъ ногами, черная пропасть чего-то невѣдомаго, страшнаго. Лейзеръ работалъ съ утра до ночи и съ ночи до утра то голодалъ. А теперь безъ Лейзера... Ницета... Голодъ, смерть...

Вотъ и домъ. Больно ударила лбомъ. Забыла, что дѣлала. Бросилась въ уголъ къ большому деревянному кроватю. Изъ кучи тряпичьяго мотевья выхватила что-то маленькое, тѣплое, жалобно пищущее. Подняла высоко надъ головой.

— Знаешь ли ты, что значитъ быть сиротой? Еврейскимъ сиротой? Знаешь ли ты, что значитъ быть нищимъ? Еврейскимъ нищимъ? Лейзеръ! Лейзеръ!..

Рѣшилась на страшное дѣло. Голосъ и сердце горѣли, а по всему телу шло ознобъ. Быстро заметалась изъ избы. И маленькая, грязная, гнилымъ запахомъ нищеты, избѣ вѣкорѣ наполнилась кровью, кошачьими тѣнями.

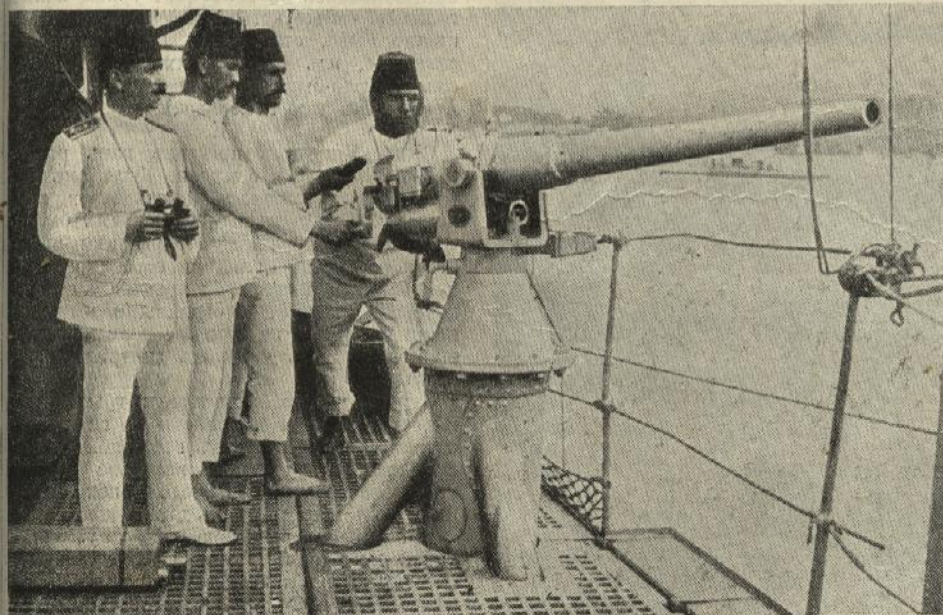
Еврейка уже не выла. И не было мыслей въ ея головѣ. Исчезли жаръ и холодъ, исчезли кошмарныя видѣнія. Тихій голубой свѣтъ окружилъ ее. И стало такъ хорошо, такъ легко на душѣ. Навсегда такъ стало.

Поздно вечеромъ Линке доложилъ лейтенанту:

— Что прикажете дѣлать съ евреями?

— Ахъ да, онъ еще здѣсь. Можно уже закончить шутку. Завтра, вѣдь выступленіе. Вонъ изъ этой сѣрой, скучной деревушки. Можетъ-быть, тамъ, впереди будетъ веселѣе.

— Гони его! — повернулся лейтенантъ къ солдату. — Дай ему хорошаго тумана!

На борту турецкаго броненосца.

на дорогу и скакан, что может убраться на все четыре стороны.

— Слушаю, г. лейтенантъ!

Лейзеръ бѣжалъ домой, и ему казалось, что его несутъ на ноге, а какія-то громадныя крылья. Было темно. Онъ то и дѣло попадалъ изъ одной лужи въ другую. Но не замѣчалъ. Наконецъ добѣжалъ. Открылъ дверь. Въ обычномъ мѣстѣ нашлись епики, зажечь.

— Ай-ай-ай!

Дикій, нечеловѣчскій вопль прорѣзалъ темноту ночи, прокатился по грязной улицѣ и темнымъ переулкамъ деревни и умчался въ черную даль мокрыхъ полей.

Отецъ Никодимъ.

Изъ силуэтовъ войны. В. Муйжеля.

I.

Зимой священникъ Н. скаго полка заболѣлъ какой-то сложной желудочной болѣзью и вынужденъ былъ уѣхать; послѣ разнесся слухъ, что отцу Павлу надо было дѣлать операцію, и его эвакуировали домой, въ Россію. Около мѣсяца полкъ былъ безъ священника, но это не такъ замѣтно было потому, что наступило какъ разъ то время, которое въ передовой линіи зовутъ затишьемъ.

Раненыхъ было мало, убитыхъ еще меньше, — полкъ сидѣлъ недѣли три въ окопахъ, потомъ уходилъ на недѣлю на отдыхъ, потомъ опять шелъ въ передовую линію, и затишье, — особое время, когда идетъ такъ называемая дежурная перестрѣлка, — продолжалось по всей линіи вытянувагося на нѣсколько десятковъ верстъ фронта.

Гдѣ-то, за узенькой полоской мертваго пространства между враждебными окопами, что-то копилось. Объ этомъ говорило самое затишье, какъ въ природѣ тишина передъ грозой; объ этомъ доносили развѣдчики, лазавшіе къ пѣмцамъ, какъ къ себѣ домой, ходили темные слухи о томъ, что противникъ перебрасываетъ свои силы въ новомъ направленіи, и всѣ чувствовали, что что-то должно произойти, не сегодня, такъ завтра, черезъ недѣлю, или мѣсяць, но пока въ сошедшихся двухъ линіяхъ окоповъ была тишина.

Солдаты обжились въ землянкахъ, натаскали себѣ изъ соседнихъ брошенныхъ обитателями халупъ разныя хозяйственные вещи, варили пѣлыми днями чай, а когда стало пригрѣвать солнышко, вылезали осторожно изъ окопа и цѣлыми часами лежали въ сладкой весенней истомѣ, подгавая спину теплымъ, ласковымъ лучамъ.

Въ это примѣрно время въ полкъ былъ назначенъ новый священникъ изъ монаховъ, отецъ Никодимъ.

О его приѣздѣ полкового командира извѣстили телефонограммой. Онъ выслалъ въ городъ, до котораго доходила желѣзная дорога, коляску.

На войнѣ жизнь людей виситъ на волоскѣ. Подавленная непрестанной опасностью мысль ищетъ опоры, и единственное, что

еврейка Ривка забрала своего ребенка и повѣсилась. А Лейзеръ, вернувшись домой и увидавъ это, сошелъ съ ума. Сейчас ходитъ вокругъ избы и поетъ. Жалобно такъ поетъ.

Наутро Линке, одѣвая своего барина, сообщилъ ему о почномъ происшествіи. Лейтенантъ Отто фонъ-Кранцъ искренно разсмѣялся:

— Чортъ возьми! Вотъ не ожидалъ, что моя шутка кончится такъ эффектно. Безподобно! Это чрезвычайно интересно. Это тоже можно будетъ рассказать въ Берлинѣ. А, Линке, какъ ты думаешь?

— О да, г. лейтенантъ! Тамъ посмѣются.

можетъ поддержать, — вѣра. Простая, безхитростная, почти дѣтская вѣра, и на войнѣ вѣрующими стали всѣ. Тѣ, кто раньше никогда не молился и, говоря о вопросахъ вѣры, улыбался той улыбкой, что улыбается больше, приеутствуя при разговорѣ дѣтей, — идя въ атаку или на опасную развѣдку, часто и быстро крестили себѣ пуговицу грубой солдатской шинели и по вечерамъ, ложась спать въ землянкѣ, оцупывали маленькій образокъ или крестикъ на шеѣ.

Суровая жизнь войны, будившая въ душѣ заглохшую съ дѣтства вѣру, перенесла это смутное, неясное исканіе опоры и защиты на служителей вѣры — священниковъ. Почти все офицерство, не говоря уже о солдатахъ, относилось къ прежнему отцу Павлу съ тѣмъ дружескимъ, близкимъ уваженіемъ, которое бываетъ по отношенію къ людямъ, сильнымъ особой, не совсемъ понятной, силой.

Теперь, когда ждали новаго священника, офицеры какъ будто подтянулись, и даже самъ полковникъ, усатый, совершенно лысый человекъ съ красными набухшими вѣками, за которыхъ его звали молодые офицеры Виёмъ, проходя по штабу полка, — двумя крохотнымъ комнаткамъ приникшей возлѣ дороги избы, гдѣ и жили чины штаба, — отмахнулъ ногою разбросанные обрывки бумага на полу и заворчалъ на вѣстовыхъ, ничего не дѣлавшихъ въ кухнѣ:

— Дубье стояросовое, хотъ бы прибрали тутъ!.. Все-таки духовное лицо приѣдетъ... Все по-свински... И вамъ ужю!

Личный денщикъ полковника подмахнулъ полъ вѣникомъ, одинъ изъ вѣстовыхъ покрывъ столъ чистой скатертью, а другой даже сдѣлалъ попытку украсить грязную, съ землянымъ поломъ, халуду чѣмъ-то въ родѣ занавѣсокъ на окнахъ.

А на дорогѣ возлѣ избы, по канавамъ и между старыми ветлами, окаймлявшими дорогу, уже собралась толпа неизвѣстно откуда явившихся солдатъ. Они стояли и сидѣли молча, шурясь на пригрѣвавшее уже по-весеннему солнце, и терпѣливо ждали.

Прапорщикъ Воронинъ раза два выходилъ посмотрѣть, не ѣдетъ ли батюшка, и пробовалъ-было гнать солдатъ; они отходили немного, потомъ опять возвращались и присаживались въ канавкѣ, шурясь, какъ довольные, сытые коты... И совершенно неизвѣстно было, откуда они понабрались. Несомнѣнно, изъ окоповъ ихъ никто не отпустилъ, стало-быть, пришли сами, безъ спросу. А это былъ уже непорядокъ.

II.

Отецъ Никодимъ приѣхалъ какъ разъ въ то время, когда его ждали. Былъ онъ невысокъ ростомъ, коренастъ и сильно мужиковать по виду. Простымъ и некрасивымъ было его веснушчатое, испещренное рыжими пятнами отъ носа до ушей, лицо, и особенное, грубое и простецкое выраженіе придавалъ ему носъ, короткій, толстый, съ огромными вывороченными ноздрями, на которыя первый встрѣтившійся съ нимъ человекъ смотрѣлъ больше всего.

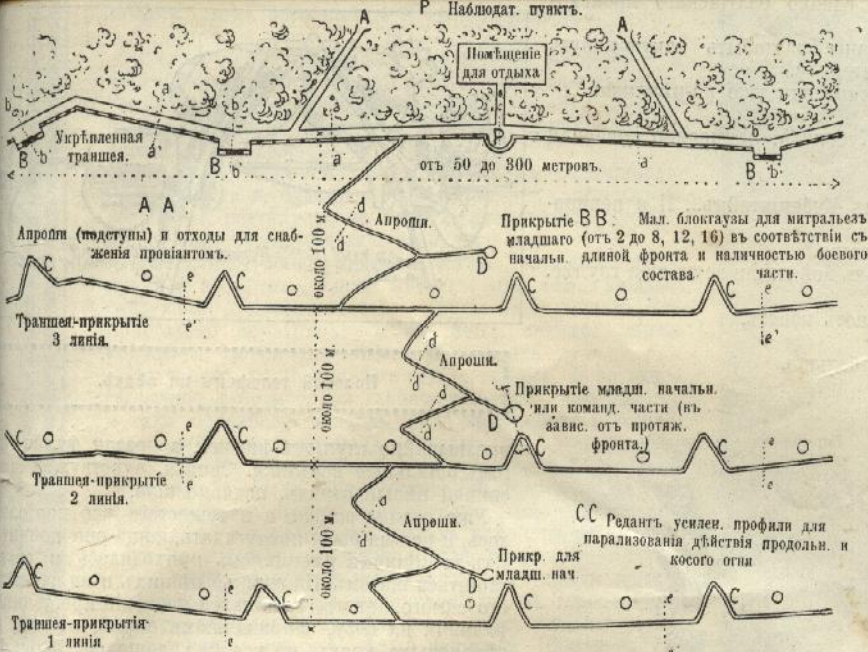
И руки у него были тоже грубыя, мужицкія, съ грязными ногтями и въ веснушкахъ, и такъ много было этихъ веснушекъ на лицѣ и рукахъ, что каждому невольно думалось, что и все тѣло отца Никодима покрыто ими, и весь онъ пестрый, какъ дятель, должно-быть.

Привезъ онъ съ собою какіе то узелки, какія-то коробки, завязанныя поверхъ крышки ситцевыми платочками, а, вылезая, прежде всего сталъ заботливо вытаскивать эти узелки и коробки. Солдаты стадомъ обступили его, подходили подъ благословеніе, а онъ быстро, словно отмахиваясь, благословлялъ скоротворкой:

— Во имя Отца и Сына!..

Австрійскія казармы въ Гарнополѣ.

План германских траншейных сооружений.

о том, чтобы достать подобную прелесть, и думать было нечего. Однако Кубышка смотрел на это дело не так безнадежно.

— Ваше высокоблагородие, — сказал он: — а ведь трюфель водится в здешних мѣстах.

— Да что ты? Откуда ты взял?

— Мне известно. Тут лѣса, ваше высокоблагородие, дубовые, ольш, то-есть трюфель, какъ разъ это самое и любить. Тамъ, гдѣ дубовые корни, ужъ и онъ располагается... Ужъ я знаю, ваше высокоблагородие... Балтійскіе нѣмцы — народъ не промахъ, они ужъ въ трюфельномъ дѣлѣ толкъ понимаютъ. Такъ отсюда, изъ здѣшняго края, ихъ и вывозятъ.

— Да какъ же ихъ отыскать? Вѣдь они въ землѣ растутъ.

— Въ землѣ. А отыскать все-таки можно. Для этого дѣла свиный собачко приспособить.

— Какъ это свиный?

нѣмецкій развѣдочный отрядъ.

Кубышка веко-чилъ на ноги, Репейниковъ сдѣлалъ то же самое. Оба они машинально схватились правой рукой за то мѣсто, гдѣ обычно находится оружіе, но не нашли его, оба сдѣлали движеніе, чтобы бѣжать и скрыться въ лѣсу,

Этотъ третій участникъ экспедиціи сильно упирался, неистово хрюкалъ, но Репейниковъ отличавшейся гигантской силой, идя впередъ тащилъ ее, а Кубышка сзади подталкивалъ палкой. Само собою разумѣется, что оружіе у нихъ съ собою не было никакого, если не считать желѣзной лопаты, которая была прихвачена для выкапыванія трюфелей.

Въ лѣсу свиный, повидимому, свикнувшись съ своимъ необычнымъ положеніемъ, перестала протестовать и пошла безъ поощренія. Они продвинулись впередъ версты на двѣ, и трюфелей не встрѣтили. По крайней мѣрѣ экспертъ не проявлялъ ни малѣйшаго желанія обнюхивать и рыть землю.

Прошли еще съ версту. Кубышка усталъ, захотѣлъ посидѣть. Увидѣвъ на нѣкоторомъ разстояніи опушку и протекавшій тамъ не большой ручеекъ, онъ рѣшилъ туда и направиться, катати, ему хотѣлось пить, да и свиный надо было приободрить свѣжей водой.

Подшли къ ручейку, разсѣлись на пожелтѣвшей уже травѣ, попили свиный и, привязавъ ее къ дереву, предоставили ей пасться. И вотъ тутъ-то, при этой идиллической обстановкѣ, оно и случилось. Только-что Кубышка вознамѣрился опрокинуться на спину и разлечься на травѣ, какъ вдругъ передъ его глазами, точно выросли изъ-подъ земли, съ противоположной стороны лѣса выдвинулись всадники, числомъ, должно-быть, съ десятокъ. Для него было совершенно ясно, что это

Планъ и разрѣзъ траншейныхъ сооружений. Деталь. (Въ Германіи).

Разрѣзъ блокгауза для митральезъ. (Въ Германіи).

— А такъ. Взять ее на поводу и водить съ собою. А свиный, ваше высокоблагородие, въ трюфель понимаетъ толкъ, можно сказать, ольше, чѣмъ въ апельсинахъ. Она ихъ чуетъ по запаху и сейдасъ это, гдѣ они залегли, зачинаетъ землю рыть. Вотъ тутъ и копай, и ужъ непременно сыщется... Оно, положимъ, свиный бѣгаетъ къ этому дѣлу пріученная, но, я полагаю, что и всякая можетъ... Дозвольте, ваше высокоблагородие, пробу сдѣлать.

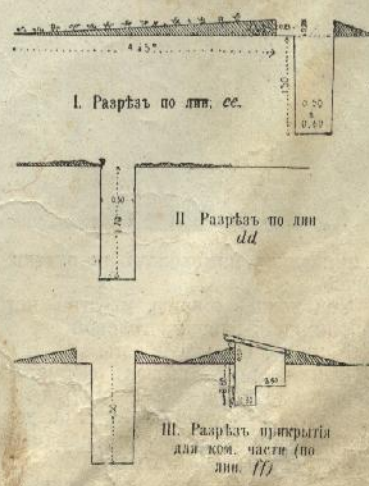
— Хорошо. Сдѣлай, пожалуй...

Кубышка сейчасъ же приступилъ къ исполненію порученія. Онъ прикомандировалъ къ себѣ одного солдата, по имени Ивана Репейникова, на что онъ въ качествѣ унтеръ-офицера имѣлъ право, досталъ у поселянина тощую польскую, на высокихъ ногахъ, свиный, обуздаль ее при помощи веревки, и вмѣстѣ они двинулись въ огромный дубовый лѣсъ, который начинался верстахъ въ четырехъ отъ деревни. — Кубышка Репейникова

но было уже поздно. Всадники пришпорили коней и въ минуту прискакали къ нимъ и окружили ихъ.

— Откуда? — спросилъ по-русски одинъ изъ всадниковъ, видимо, отчетливо заучившій это слово.

Но Кубышка сказалъ себѣ: „Ну, вѣтъ, шалишь, я тебѣ по-рус-

ветили на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, явно однако прележденія:

— Издамека... Мы заблудились. Были посланы раздобыть какую-нибудь живность и добыли свинью, да путь обратно потеряли.

Нѣмцы недоувѣрчиво осмотрѣли его, потомъ спросили уже по-нѣмецки:

— А ты развѣ по-русски не умѣешь?

— Очень плохи, sehr schlecht!—отвѣтилъ Кубышка, намѣренно коверкая русскія слова.

— Ты, значить, нѣмецъ?

— Я нѣмецъ изъ Митавы. Меня зовутъ Карлъ Кубенштейнъ... И я невиновать, что русскіе заставили меня служить.

— А этоть?—спросили, указывая на Репейникова.

— Этоть русскій. Но онъ такой же дуракъ, какъ всѣ они, и даже еще глупѣе.

— А гдѣ стоянка?

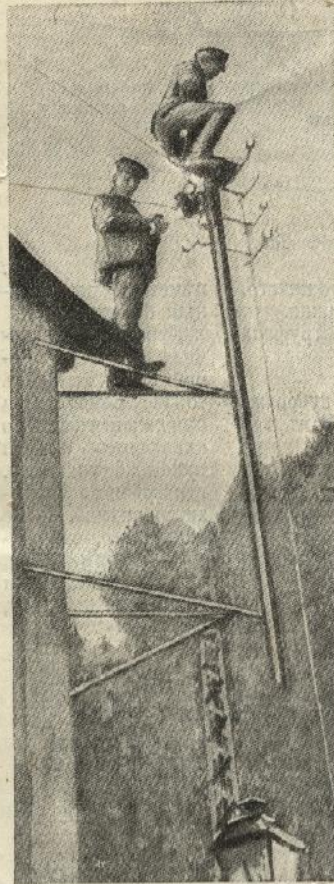
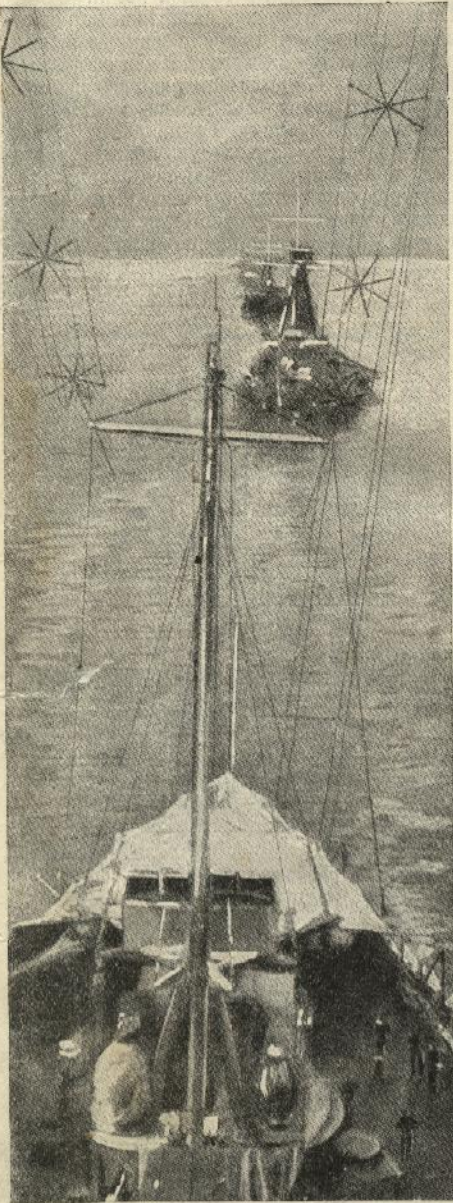
— До стоянки отсюда будетъ хорошихъ двадцать верстѣ.

— А много тамъ войска?

— Нѣтъ, не много. Три полка наберется, не больше.

— И казаки есть?

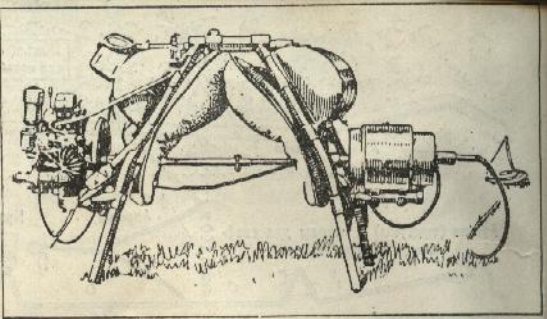
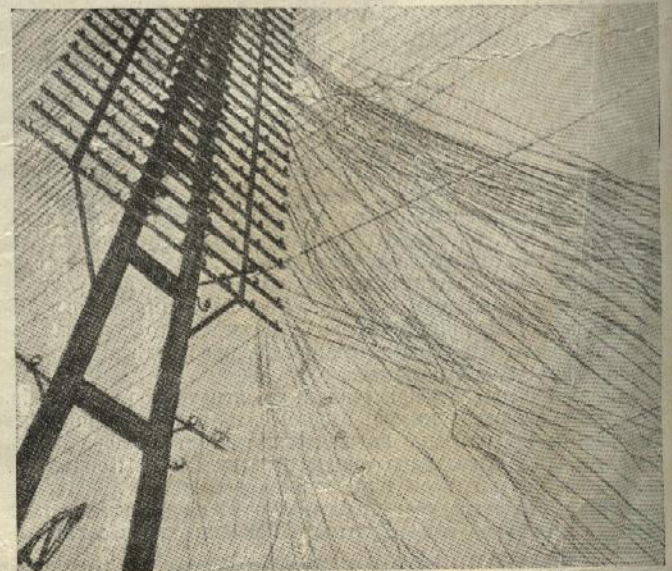
— Казаки? Такъ, пустяка... Сотни чепыре...

Починка телеграфа.

Перерѣзанные телеграфные провода у Намюра.

Беспроволочный телеграфъ на суднѣ.

Полевой телефонъ на сѣдлѣ.

чрезвычайно глупымъ видомъ, а позади ѣхали шагомъ остальные всадники. Свинья, чувствуя за своей спиной цѣлый отрядъ, покорно шла.

Уже солнце зашло, а путешествіе все продолжалось, и нельзя было предугадать, когда оно кончится. Изъ-за пѣшихъ плѣнниковъ приходилось и отряду тащиться шагомъ. На счастье пѣшихъ и на несчастье его самого, навстрѣчу попался польскій крестьянинъ, ѣхавшій на возу, запряженномъ парой, правда, невѣроятныхъ клячъ, но все же лошадей. Завидѣвъ отрядъ, онъ быстро свернулъ съ дороги и хотѣлъ было ударить по лошадямъ, чтобы удрать, но двое изъ отряда въ ту же минуту поскакали къ нему и, направивъ на него револьверы, приказали ему—на этоть разъ по-польски—слѣзть съ воза.

Крестьянинъ безпрекословно слѣзъ. На возъ уложили свинью, которая сильно протестовала, такъ что пришлось связать ей ноги, и туда же усеѣлись Кубышка и Репейниковъ.

Кубышка помѣстился на мѣшкѣ, наполненномъ, повидимому, ячменемъ, взялъ въ руки вожжи и, окруженный всадниками, погналъ лошадей по дорогѣ. Теперь, значить, было уже легче, и не такъ уже интересовалъ вопросъ, далеко-ли? А оказалось не близко. Верстѣ двѣнадцать пришлось еще ѣхать.

Кубышка отлично зналъ всю эту мѣстность и уже понималъ, что цѣль ихъ путешествія — маленькій польско-еврейскій городокъ, который, какъ ему было извѣстно, еще занятъ былъ нѣмцами. И дѣйствительно, при послѣднемъ тускломъ свѣтѣ сумерекъ показались городскіе дома, невысокіе, почти сплошь одноэтажные, а потомъ въѣхали и въ предѣлы самаго города.

Тутъ ихъ прежде всего разлучили со свиньей, которая, можетъ-быть, въ тотъ же вечеръ кончила свое земное бытіе и отправилась въ нѣмецкіе желудки. Ихъ же обоихъ засадили въ какое-то пустое помещеніе, приставивъ къ двери и къ окнамъ по солдату.

— Ну, вотъ, братецъ,—тихо сказалъ Репейникову Кубышка:—мы, стало-быть, и въ плѣну у нѣмцевъ. И ты, если хочешь быть живъ, помни твердо, что нѣтъ Кубышки и нѣтъ хохла, а есть нѣмецъ Карлъ Кубенштейнъ. Оно, конечно, еще чортъ его знаетъ,

И прибавилъ мимоходомъ по-русски, явно для свѣдѣнія Репейникова:

— Три полка, говорю, и сотни четыре казаковъ. Правда?

Репейниковъ кивнулъ головой.

— А ну-да, столько и есть.

— Помни,—строго сказалъ офицеръ по-нѣмецки, обращаясь къ Кубышкѣ и совершенно игнорируя Репейникова:—если ты обманываешь, то будешь вѣдѣрнуть на дерево.

— А какъ это ты узнаешь, обманываю или нѣтъ?—подумалъ Кубышка и твердо отвѣтилъ:

— Какъ я могу обмануть своихъ соотечественниковъ? Я могу только радоваться тому, что они возьмутъ меня съ собою.

— Ступай. Возьми животное и веди.

Кубышка отвязалъ свинью и повелъ ее вѣдѣть за всадникомъ, Репейниковъ, съ

может, этим как-нибудь и выкарбаемся.

IV.

Около часу длилось их заключение в пустой и темной комнате, в которой пахло сыростью и мышами. Затѣмъ пришли три основательно вооруженныхъ нѣмца и велѣли Кубышкѣ идти съ ними. Репейникова же оставили въ прежнемъ положеніи.

Впрочемъ, онъ сейчасъ же проявилъ величайшую находчивость и, будучи хорошо охраняемъ нѣмцами солдатами, растянулся на полу и, утомленный непредвидѣннымъ путешествіемъ, заснулъ.

А Кубышку повели по начальству. Допрашивали по крайней мѣрѣ въ десяти мѣстахъ, при чемъ каждый слѣдующій допроситель былъ старше предыдущаго. Всѣ пристально вематривались въ него, видимо, желая убѣдиться, что онъ не шпионъ и не врагъ.

Но у него, не въ примѣръ его прошлому, было такое серьезное лицо и такая глубоко-нѣмецкая наружность, и такъ образцово владелъ онъ нѣмецкимъ языкомъ, что сомнѣнія мало-по-малу отпадали.

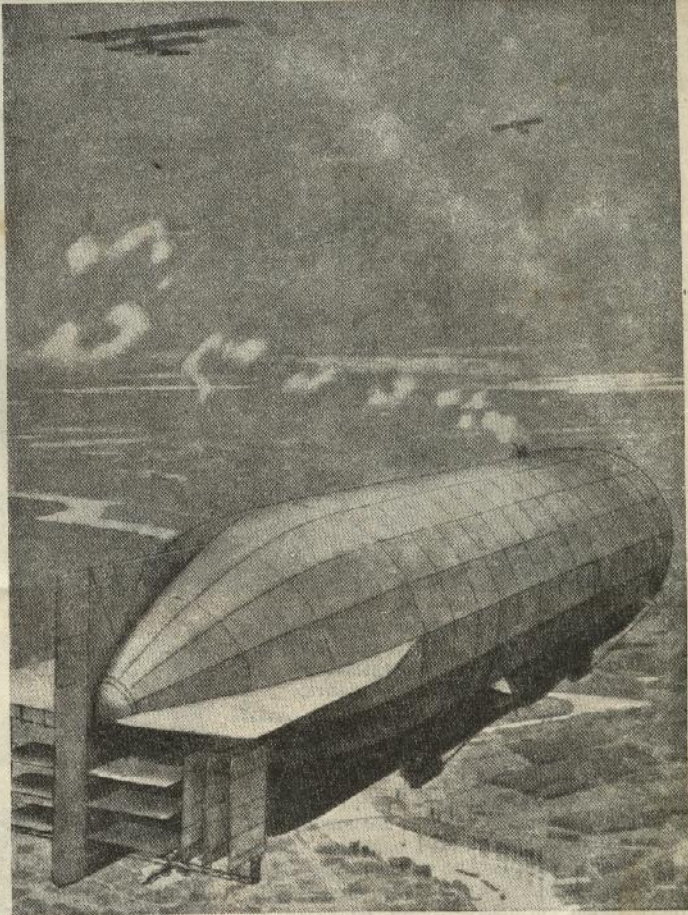
Со стороны нѣмца, взятаго противъ желанія на русскую службу, было такъ естественно говорить то, что говорилъ этотъ Карлъ Кубенштейнъ,—именно, что онъ несказанно счастливъ, что попалъ наконецъ къ своимъ, и готовъ служить имъ чѣмъ и какъ угодно.

Но, пока его водили, онъ кое-что замѣтилъ и прикинулъ умомъ, и, по его соображеніямъ, въ городѣ было солдатъ не больше тысячи, хотя, какъ онъ подумалъ, хорохорились они на цѣлый корпусъ. Наконецъ его привели къ самому старшему, относительно котораго онъ почему-то въ первую минуту рѣшилъ, что это полковникъ, хотя въ дѣйствительности онъ былъ только майоръ,—какъ видно, почтенный и бывалый уже служака, съ длинными закрученными кверху усами и клокомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ.

Этотъ почему-то сразу почувствовалъ полное довѣріе къ Карлу Кубенштейну и до того снизошелъ, что, не-

смотря на разность положеній, даже позволилъ ему сѣсть и началъ подробнѣйшимъ образомъ разспрашивать о численности русскихъ войскъ, объ ихъ расположеніи, о запасахъ, о планахъ, и Карлъ Кубенштейнъ на все отвѣчалъ съ такой основательностью и такъ солидно, что майоръ считалъ даже необходимымъ вооружиться карандашомъ и записывать его цифры и слова для доклада высшему начальству.

Врагъ Кубышка великолѣпно, но въ то же время и осторожно, т. е. такъ, чтобы нельзя было провѣрить и поймать его.

Въ непріятельской арміи. Стрѣльба по непріятельскимъ аэронамамъ съ верхней площадки цеппелина.

Майоръ былъ глупъ, это Кубенштейнъ сразу замѣтилъ. Первое доказательство было то, что онъ такъ легко повѣрилъ во всѣ глупости, которыя онъ ему рассказывалъ.

Въ результатѣ, его вмѣстѣ съ Репейниковымъ перевели въ другой домъ, гдѣ имъ была отведена комната, такая же скверная, какъ и прежде, но съ одной кроватью и съ тюфякомъ изъ соломы на полу.

Репейниковъ сперва внушалъ нѣмцамъ недовѣріе, но, когда увидѣли, какъ онъ, попавъ въ плѣнъ къ непріятелю, захватилъ спать, издавая при этомъ неистовый храпъ,—должны были признать его полную безвредность.

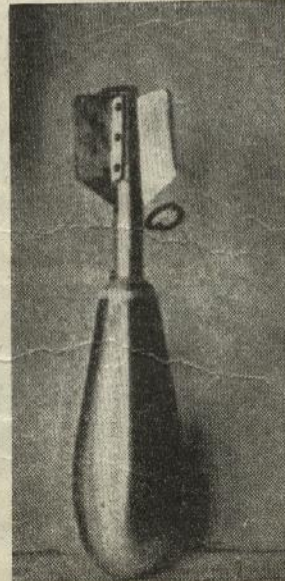
Кровать была занята Кубышкой, и это было понятно—онъ вѣдь нѣмецъ. Карлъ Кубенштейнъ и, кромѣ того, унтеръ-офицеръ,—а тюфякъ на полу занялъ Репейниковъ, который, въ качествѣ русскаго, обязательно долженъ былъ унженъ передъ нѣмцемъ и служить ему. Однакожъ у двери на улицѣ все-таки былъ поставленъ часовой, на обязанности котораго лежало не выпускать ихъ изъ дома.

Но это только въ первую ночь. А на другой день Карлъ Кубенштейнъ все нѣмецкое воинство, находившееся въ городѣ, расположилъ въ свою пользу. Онъ бранилъ русскихъ невѣроятно, находя для этого въ нѣмецкомъ лексиконѣ такія слова, какихъ не нашеть бы самый ученый нѣмецкій филологъ. И это ужасно нравилось нѣмцамъ.

Кромѣ того, и это, конечно, было самое главное,—онъ поощрялъ майору и всѣмъ остальнымъ, что, если ему дадутъ небольшой отрядъ, этакъ человекъ въ пятнадцать, то онъ покажетъ имъ нѣсколько человекъ...

Воздушная „игла смерти“.

Постѣднее смертоносное изобрѣтеніе германцевъ. Наль рисунокъ изображаетъ одну изъ такихъ иглъ, изготовленныхъ изъ стали. Брошенная съ аэронала, съ высоты 300 фут., игла эта въ состояніи пропаять человека, или лошадь. Нѣмцы пользуются этими иглами, соединяя ихъ въ связки по 50 или 100 штукъ. Эти „иглы“ применяются также для пробиванія оболочки цеппелиновъ.

Привезли раненыхъ. Санитарная повозка съ койками для раненыхъ. По фот. нашего корреспондента.

а въ разъ этого-то и было надо. Городскихъ жителей, которыхъ было тысячи четыре, они уже объѣли до-тла, севеэстроавъ все, что только было возможно. Изъ сей живности въ городъ остались только дни коты, которые, не находя даже жалкихъ остатковъ для своего пропитанія, родили по крышамъ, тощѣ, объѣзые, со пальми боками, и издавали печальныя звуки.

Онъ уже не щеголялъ въ русскомъ ундирѣ, заявивъ, что одежда эта крайне му неприятна. И это было понято и признано, и ему доставили обыкновенную штатскую одежду, которую севеэстронали у какого-то еврея, имѣвшаго пещастье торговать готовымъ платьемъ. огда савъ попросилъ, чтобы и лакея его оже одѣли въ штатское. А на Репейникова такъ именно и смотрѣли: глупое русское животное для того и создано, тобы служить нѣмцу. Ну, и пришлось аложить севеэстръ еще на одну пару

Подсчетъ австрійскихъ ружей, подобранныхъ нашими войсками на полѣ битвы, послѣ сраженія. По фот. нашего корреспондента.

Взятые нами австрійскія орудія. По фот. нашего корреспондента.

штатскаго платья, въ которую нарядили генералниковъ.

И ужъ само собою разумѣется, что никакой стражи больше для нихъ не полагалось. Карлъ Кубенштейнъ снискалъ общее довѣрїе и готовился вмѣстѣ съ нѣмецкимъ отрядомъ грабить польскія деревни, а лакей чистилъ ему пиджакъ и сапоги и выметалъ комнату, въ которой они жили.

И вотъ, дня этакъ черезъ четыре послѣ плѣненія, майоръ рѣшилъ воспользоваться услугами балтійца и снарядить подь его руководствомъ отрядъ для добыванія фуража. Было снаряжено пятнадцать солдатъ подь командой унтеръ-офицера, а Карлъ Кубенштейнъ—шестнадцатый. Послѣ полуночи было назначено выступленіе.

Вечеромъ же, когда они легли спать, Карлъ Кубенштейнъ, снова превратившійся на время въ Кубышку, сказалъ вполголоса своему слугѣ:

— Слушай ты, Репешка, не будь дуракомъ и постарайся воспользоваться обстоятельствомъ. Завтра чуть-свѣтъ пятнадцать нѣмецкихъ болвановъ вмѣстѣ со мною выйдутъ верхомъ за фуражомъ. Я общалъ имъ показать такія деревни, гдѣ есть провизія и нѣтъ русскихъ солдатъ. Ну, я ужъ постараюсь показать имъ, что слѣдуетъ. А ты сейчасъ же послѣ насъ, пока еще будетъ темно, пробирайся на тотъ край городка,—тамъ нѣтъ войска и теперь за тобой

нѣтъ стражи,—да черезъ мостъ, да драла. Раньше девяти часовъ тебя не хватятся, да и то едва ли. Понялъ? Ну, а остальное отъ тебя отъ самого зависишь, а меня тутъ больше не увидятъ. Либо они меня изрубятъ на куски, либо я ихъ къ нашимъ доставлю.

На другой день, чуть только появились первые проблески утра, шестнадцать всадниковъ съѣли на коней и выѣхали изъ городка. А послѣ этого высокая темная фигура въ штатскомъ широкими шагами шмыгнула куда-то въ темный переулокъ и скрылась въ немъ, и больше въ городъ ея никто ужъ не видѣлъ.

Всадники же, одушевляемые надеждой на сытную добычу, мчались во весь карьеръ почти безъ передышки часа полтора, слѣдуя за передовымъ, который былъ одѣтъ въ штатское.

А когда начало свѣтать, они приблизились къ той деревнѣ, гдѣ стоялъ полкъ. Карлъ Кубенштейнъ осторожно повелъ свой отрядъ въ обходъ деревни, и они притаились позади ея въ дѣвѣхъ. Всадники спѣшили, расположились на отдыхъ, пустили лошадей на